

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.
на 9 мѣсѣц. 5 р. 75 к.
на 6 мѣсѣц. 4 р. — к.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ 8 р. —
на 9 мѣсѣц. 6 р. —
на 6 мѣсѣц. 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею
на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32, а
также въ книжн. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макунова.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Сельская школа въ Сибири. — Хроника. — Корреспонденціи: изъ Владивостока, Благовѣщенска, Иркутска, Верхнеудинска, Устькаменогорска, Тобольска, Томска и Акин. — Генрихъ Ландсдель. *Н. И.* — Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ въ Сибири. *Д. Амурска.* — Въ горахъ Дарваза-Каратегина (на Верховьяхъ Аму-Дарья). *Г. Арениаренко.* — Очерки южной Сибири. *И. Прохорова.* — Счастливый сонъ (стихотвореніе). *Омулесскаго.* — На чужбинѣ (Фельетонъ). *Добродушнаго Сибиряка.* — Хроника жизни за недѣлю. — Библиографія. — Некрологъ.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА ВЪ СИБИРИ.

Народное образованіе въ Сибири только-что начинаетъ прививаться. Нерѣдко оно терпитъ многія затрудненія, и школы, при отсутствіи земства, не пользуются заботами.

Тѣмъ не менѣе, и здѣсь, въ глухихъ дебряхъ, начинаетъ чувствоваться потребность грамотности и знанія, и сибирское крестьянство проявляетъ замѣчательное повиманіе и инициативу. Доказательствомъ служить доставленная намъ исторія народной школы въ одномъ изъ уголковъ Минусинскаго округа.

Минусинскій округъ Енисейской губерніи, по географическому положенію, принадлежитъ Восточной Сибири, по экономическому и народно-бытовому, ближе подходитъ къ Западной Сибири, именно къ сосѣдней Томской губерніи: продукты мѣстнаго производства и цѣны на нихъ одни и тѣ же, рабочій трудъ оплачивается одинаково, стоимость предметовъ первой потребности и содержаніе почти равны въ обоихъ мѣстностяхъ. Въ послѣднія 20 лѣтъ, въ г. Минусинскѣ существуетъ 2-хъ классное приходское училище (въ прошломъ 1882 г. оно преобразовано въ 3-хъ классное городское); въ округѣ, въ 4-хъ волостяхъ, находится по одному приходскому одноклассному училищу, въ 2-хъ инородныхъ управахъ—тоже по училищу; въ казачьихъ станицахъ также были училища, которыя впоследствии закрыты, но никакъ не потому, чтобы отрицалась польза грамотности для казаковъ, а по какимъ-то другимъ причинамъ; кромѣ того, еще въ селѣ Каратузскомъ существуетъ приходское училище, содержащееся на частныя средства. Въ послѣднія десять лѣтъ, стала замѣтна потребность въ грамотности: во многихъ селахъ, деревняхъ и даже на займакахъ начали появляться частныя учителя, обучающіе отъ 5 до 10 мальчиковъ, а иногда и дѣвочекъ, въ какой нибудь отдѣльной избѣ. Контингентъ этихъ учителей—смыслно-русенцы разныхъ наименованій и всевозможныхъ сословій, русскіе и поляки, иногда вѣмцы, по большей части старички, неспособные къ тяжелой работѣ. Попадаютъ между ними довольно способные и усердно трудящіеся;

конечно, учать всякій по своему методу, одинъ преподаетъ даже по Ушинскому, довольно толково, хотя самъ учился грамотѣ въ 30-хъ годахъ. Но почти все они страдаютъ однимъ недостаткомъ: учать мѣсяцъ, два, иногда три, а на четвертый занюхать—и ученикамъ вакачь на 3—4 недѣли. Вознагражденія они получаютъ отъ 50 к. до 1 рубля въ мѣсяцъ за ученика, на готовыхъ харчахъ и квартирѣ; учебныя пособия и книги пріобрѣтаются по большей части изъ минусинскаго училища, гдѣ всегда есть продажныя учебники. У сектантовъ имѣются свои учителя, — субботники и молокане почти все грамотные; въ протестантскихъ колоніяхъ тоже свои учителя, а старообрядцевъ снабжаетъ ими по большей части знаменитая Гуслица.

Въ послѣднія десять лѣтъ, кромѣ частнаго обученія грамотѣ, начали открываться по селеніямъ сельскія школы и приходскія училища, не считая волостныхъ училищъ, въ Абаканской волости—Идринское и Никольское, въ Шушенской—Каптыревское и Бейское, въ Тесинской—Курагинское, и, кромѣ того, Тесинской же волостью ходатайствуется объ открытіи еще четырехъ приходскихъ одноклассныхъ училищъ. На содержаніе одного изъ нихъ, въ селѣ Шелаболинскомъ, по примѣру Курагинскаго, предложено расходовать 400 руб.; квартира и сторожъ патурой, и уже пріобрѣтены домъ; о трехъ же остальныхъ училищахъ ходатайствуютъ общества трехъ казенныхъ поселеній. Казенныя поселенія въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ устроены въ 30-хъ годахъ на счетъ казны, съ содѣйствіемъ старожиловъ, и заселены исключительно ссыльными, которыхъ начальство обязало учредить общественную записку, а мѣстныхъ старожиловъ пригласило помогать имъ. Эти записки обрабатывались до 1847 года, въ которомъ накопленный хлѣбъ продали на прииски, а вырученные деньги сперва отослали въ кредитное учрежденіе, для приращенія, а потомъ часть ихъ пущена въ оборотъ въ мѣстномъ населеніи; онѣ и теперь вращаются тамъ, подъ контролемъ мѣстныхъ исправниковъ, изъ 6 процентовъ въ годъ. Капиталь этотъ возросъ до полутора ста тысячъ, и такъ-какъ цѣль его составленія—обезпеченіе платежа податей, прирѣвнѣ

престарѣлыхъ селенцевъ, медицинское пособіе по- слѣднимъ и образованіе ихъ дѣтей, то теперь общество и ходатайствуетъ объ открытіи, на проценты вышесказаннаго капитала, трехъ приходскихъ училищъ, съ единовременнымъ пособіемъ по 900 руб. (на устройство дома и пр.) и съ постояннымъ годовымъ содержаніемъ 400 руб. въ годъ на каждое; кромѣ того, отопленіе, наемъ сторожа, а впоследствии и ремонтъ, общество обязывается доставлять натурой. Скоро ли выйдетъ разрѣшеніе открыть вышесказанныя училища, да и откроются ли они— неизвѣстно. Должно быть, не скоро, суди потому, что хотя капиталъ общественной зачатки достигъ уже до 150,000 руб., а ни призрѣнія престарѣлымъ поселенцамъ казенныхъ поселеній, ни медицинскаго пособія нѣтъ, да объ этомъ, кажется, никто и не заботится. А какъ трудно открывать общественныя училища на средства, собираемыя съ извѣстнаго числа душъ того участка, гдѣ желаютъ открыть ихъ, показываетъ примѣръ Курагинскаго (Тесинской волости) приходскаго однокласнаго училища. Здѣсь еще въ семидесятыхъ годахъ была открыта церковно-приходская школа; преподавателемъ ея былъ мѣстный священникъ, а впоследствии, за неимѣніемъ у него времени, ею завѣдывали временно наемные учителя, подъ контролемъ мѣстнаго исправника. Но она просуществовала недолго, года четыре—не больше, и закрылась, потому что служившій тогда земскій исправникъ Т. смѣнился и уѣхалъ въ Россію, а находящихся въ его завѣдываніи денегъ нигдѣ не оказалось; начали поддерживать школу на частныя средства, но учитель, отставной унтеръ-офицеръ изъ ссыльных, померъ, а другого взять было негдѣ— и школа опять закрылась сама собой. Года два, три прошло только въ разговорахъ о новой школѣ и, наконецъ, въ 1878 году принялись за дѣло. Главное затрудненіе состояло въ присканіи средствъ; но оно скоро было улажено, средства нашлись. Составили общественный приговоръ, которымъ село Курагинское обязывалось доставлять отопленіе натурой и по- ставлять сторожа. Потомъ, на первомъ же волостномъ сходѣ, пригласивъ къ себѣ прочія деревни Курагинскаго прихода и сосѣдній Имисскій, всего 7 селеній, стали ходатайствовать о томъ, чтобы отдѣлиться отъ волостнаго училища и открыть свое въ селѣ Курагинскомъ, въ чемъ едва успѣли, потому что многія селенія отъ волости отдалены еще больше, чѣмъ село Курагинское, и что, по дальности разстоянія волости, училище для нихъ еще менѣе полезно. Но все-таки приговоръ состоялся и представился по принадлежности; однако, чрезъ нѣсколько времени его воротили, потому что училищное начальство нашло въ немъ неправильности,—именно: приговоромъ назначено жалованья учителю 300 руб., законоучителю—60 руб. и на бібліотеку—40 руб.; начальство же, признавая асигнованную сумму достаточною, одну статью нашло нужнымъ перераспредѣлить, именно—жалованья учителю назначить 60 рублей, и ему же на содержаніе чистоты въ училищѣ—40 рублей. И изъ-за этого нужно было пересоставить приговоръ и дожидаться снова волостнаго схода, а въ это время жители сосѣдняго Имисскаго прихода нашли, что и Курагинское училище для нихъ будетъ бесполезно по отдаленности, такъ же, какъ и Тесинское волостное, и сколько стоило труда согласить ихъ подписать вторично приговоръ на Курагинское училище. Наконецъ, приговоръ составленъ и утвержденъ. Курагинцы довольны, у нихъ будетъ свое училище, почти независимое отъ волостнаго писаря.

1 февраля 1879 года открывается училище. Приѣзжаетъ учитель, и опять-таки отставной чиновникъ, бывшій секретарь блаженной памяти Екатеринбургскаго городского магистрата; начинается ученіе. Съ самаго начала учениковъ было 30, а потомъ и болѣе. Проходитъ учебный годъ и другой, на третій— учениковъ стало убывать, общественники стали замѣчать, что ученики идутъ слабо, а грамотные родители начали роптать, что дѣти ихъ „впередъ не подаются“. Послѣ этого что было дѣлать? Составить приговоръ и просить начальство о перемѣнѣ учителя? Но еще какъ это понравится начальству, могутъ сказать: какъ смѣютъ мужики судить объ успѣхахъ учениковъ, когда сами не учились ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ (какъ говаривалъ учитель)! Если же ходатайство не уважится, еще будетъ хуже.

Одному изъ курагинскихъ крестьянъ довелось быть въ губерніи, гдѣ онъ обратился къ училищному начальству, не то, чтобы съ просьбою, а какъ будто за совѣтомъ, и, какъ могъ, объяснилъ положеніе училища; начальство благоволило прежняго учителя перевести въ другое мѣсто, а въ Курагинское училище опредѣленъ молодой учитель, кончившій курсъ въ Красноярской учительской семинаріи въ 1882 году, человѣкъ преданный своему дѣлу и общающій очень много хорошаго въ будущемъ. Училище обновилось, да къ тому же, по случаю смерти прежняго законоучителя, опредѣлился новый священникъ-законоучитель, человѣкъ молодой, съ богословскимъ образованіемъ, принявшійся за преподаваніе Закона Божія съ полнымъ усердіемъ и не пропускающій ни одного урока. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ, въ настоящемъ 1882—1883 учебномъ году, въ Курагинскомъ училищѣ 52 ученика, въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ; только очень жалъ, что были случаи отказа въ приѣмѣ учениковъ, по неимѣнію помѣщенія или по случаю поздняго учебнаго времени; впрочемъ, будь бы прежній учитель, въ училищѣ едва ли бы насчиталось болѣе 20 учениковъ.

При открытіи Курагинскаго училища имѣлось въ виду и то, что во вновь открываемое училище опредѣлять учителемъ молодого человѣка, прямо со скамьи учебнаго заведенія, который въ сельской глуши можетъ испытывать скуку отъ недостатка дѣятельности для молодого ума. Чтобы предотвратить это, двое мѣстныхъ жителей-крестьянъ пожертвовали въ училищную бібліотеку свои книги, всего томовъ до 70. Кромѣ того, однимъ крестьяниномъ собрано до 200 экземпляровъ мѣстныхъ растений, которыя общій благодѣтель Минусинскаго края, Н. М. Мартяновъ, распредѣлилъ по классамъ, семействамъ и видамъ, и сдѣлалъ надписи названія подъ каждымъ растеніемъ. Гербарій этотъ предназначался для того же училища, но прежній учитель принятіе этого пожертвованія отклонилъ, такъ же, какъ и небольшую коллекцію горныхъ породъ и минераловъ; учениковъ же съ горными породами и минералами надо знакомить потому, что, быть можетъ, нѣкоторымъ изъ нихъ придется служить по золотопромышленности. Теперь есть надежда, что новый учитель будущимъ лѣтомъ пополнитъ и распространитъ гербарій и коллекцію, да пригласитъ къ этому и учениковъ,—это необходимо потому, что нужно воспользоваться временемъ, покада г. Мартяновъ находится въ нашемъ краѣ. Жаль, что на многое не хватитъ при училищѣ помѣщенія, а и теперь уже начинаютъ появляться доставляемые учениками нѣкоторые предметы, какъ-то: чудскія стрѣлки, тунгусскій лукъ со стрѣлами и колчаномъ, мѣд-

ный топоръ, ножъ, зеркало и еще кое-что. Есть также надежда, что лѣтомъ ученики будутъ собирать насѣкомыхъ. Они съ любопытствомъ смотрятъ на змѣю, посаженную въ банку со спиртомъ, на водяныхъ жуковъ и проч. Предполагается для училища приобрести астролябію съ прочими землѣвѣдскими принадлежностями, для лѣтнихъ упражненій учениковъ на вольномъ воздухѣ. Судя по вышеизложенному, Курагинское приходское училище въ скоромъ времени будетъ однимъ изъ порядочнѣйшихъ училищъ и несомнѣнно принесетъ пользу. Этотъ примѣръ показываетъ, чѣмъ бы могли быть сельскія школы въ Сибири при благоприятныхъ условияхъ и при участіи общественномъ.

ХРОНИКА.

На дняхъ, въ петербургскихъ газетахъ сообщенъ слухъ объ учрежденіи въ Сибири слѣдователей изъ полицейскихъ чиновниковъ, а въ губерніяхъ Томской и Тобольской учреждаются должности мировыхъ посредниковъ, съ правами и обязанностями, присвоенными имъ положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Слухи эти давно перепечатаются и повторяются въ газетахъ. О первомъ проектѣ было замѣчено, что увеличеніе штата полицейскихъ не тождественно съ институтомъ слѣдователей по образцу новаго судопроизводства. Что касается учрежденія мировыхъ посредниковъ, то и здѣсь необходима поправка: это не посредники, а особые чиновники по крестьянскимъ дѣламъ или члены уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Относительно административнаго преобразованія въ краѣ, газета „Сибирь“ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Не знаемъ, какія задачи имѣетъ коммиссія относительно переустройства внутренняго управленія: находятся ли эти предполагаемыя „неустройства“ въ связи съ задачами кахановской коммиссіи и съ желаніями сибиряковъ получить, наконецъ, всѣ новыя учрежденія наравнѣ съ метрополіей? Мы же, съ своей стороны, придавая известное значеніе реформированію мѣстного управленія и новому дѣленію, глубоко убѣждены, что только реформы суда и самоуправленія принесутъ истинную пользу краю,—а въ томъ ли, или другомъ мѣстѣ будетъ находиться центръ управленія краемъ—это можетъ имѣть значеніе лишь общегосударственное, но не мѣстное. Такое преобразование не дастъ намъ ни „праваго и скораго суда“, ни настоящаго самоуправленія“.

Изъ этого видно, на чѣмъ сосредоточены надежды Сибири.

Въ „Сибирской Газетѣ“ сообщено слѣдующее по поводу народныхъ празднествъ въ Сибири. „Изъ городовъ—Ялуторевска, Ишима, Ачинска и Минусинска, и изъ селеній—Зыряновскаго, Тисульского и Абаканскаго получены нами корреспонденціи, описывающія происшедшія въ нихъ празднества по случаю совершившагося священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ общемъ, характеръ этихъ празднествъ былъ вездѣ одинаковъ. Всюду отслужены были, при большомъ стеченіи народа, благодарственныя молебствія, дома, казенные и частные, украшались флагами, а вечерами, по возможности, иллюминировались. Въ частностяхъ, вѣроятно, вслѣдствіе неодинаковаго уровня развитія обывателей указанныхъ мѣстностей, выраженія народныхъ чувствъ, по случаю совершившагося событія, проявлялись совершенно различно. Такъ, напр., въ Ялуторевскѣ и с. Абаканскомъ народное гулянье сопряжалось даровымъ участіемъ—водкой и принамами, на что Ялуторевскъ израсходовалъ 600 рублей (300 р. отъ думы и 300 по частной подпискѣ), и гулянье это, весьма естественно, окончилось нѣсколько печально: разбрасываемые въ народъ принамы произвели драку, а вышатаи въ немъфривномъ количествѣ водка вынудила прибѣгнуть къ помощи пожарной команды, разумѣется, для нѣкотораго освѣженія слѣшкомъ разгоряченныхъ головъ. Несмотря на это, въ Ялуторевскѣ одинъ опис-

авшій потребовалъ немедленной медицинской помощи и былъ отправленъ въ больницу, а въ с. Абаканскомъ—одинъ умеръ“. Прибавимъ къ этому, что у насъ имѣются свидѣнія о томъ, что въ Нарымѣ, во время угощеній, ошлось 4 человѣка. „Другого рода явленія, по поводу того же событія, представляются Ачинскъ, Минусинскъ и Ишимъ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ, въ ознаменованіе дня коронованія, думою постановлено ходатайствовать объ открытіи женской прогимназіи, съ наименованіемъ „Марининской“, причемъ подлѣ помещеніе ея предполагается уступить имѣющагося въ распоряженіи города два дома, а на содержаніе ежегодно ассигновать изъ городскихъ доходовъ по 1,000 р. Во второмъ—сдѣлать безплатнымъ приготовительный классъ женской прогимназіи, и для этой цѣли ежегодно отпускать по 400 р.; и въ третьемъ, Ишимѣ, также думою, ассигновано одновременно на устройство ночлежнаго пріюта 800 р. и ежегодно на отопленіе, освѣщеніе и содержаніе пріслуги этого дома по 120 руб. Разумѣется, и послѣдствія этихъ празднествъ будутъ не вездѣ одинаковы: въ однихъ мѣстахъ останется одно пріятное воспоминаніе о весело проведенномъ днѣ, а въ другихъ—полезныя учрежденія“.

Въ „Здоровѣ“ пишутъ: „3 іюля выѣхалъ въ Томскъ командированный главнымъ тюремнымъ управленіемъ извѣстный санитаръ Доброславинъ. Въ официальныхъ сферахъ, мѣстныхъ и центральныхъ, давно уже обратили вниманіе на нерѣдко возникающія сѣтованія и заявленія о существующемъ будто бы распространеніи различныхъ болѣзней въ городахъ западной Сибири направляемыми чрезъ нее партиями ссыльныхъ арестантовъ. Профессору Доброславину поручено изучить, съ санитарной точки зрѣнія, условия перевозки партия, опредѣлить возможность распространенія заразъ, какъ самими арестантами, такъ и товарами, перевозимыми въ пустыхъ арестантскихъ баржахъ, и изслѣдовать основанія для тѣхъ мѣстъ, которыя могутъ быть приняты къ улучшенію существующаго положенія дѣла.“

Мы получили изъ Восточной Сибири, отъ одного изъ лицъ, завѣдывающихъ почтовой частью въ Восточной Сибири, слѣдующее объясненіе по поводу заявленія въ № 18 нашей газеты:

„Каждый безпристрастный проѣзжающій по станціямъ Восточной Сибири скажетъ, что положеніе ихъ теперь несравненно лучше того, въ какомъ онѣ были два года тому назадъ. Теперь не встрѣчается грубаго и даже дерзкаго обращенія съ ними станціонной прислуги, тогда какъ раньше это было обычнымъ дѣломъ. Всѣ справедливыя жалобы проѣзжающихъ влекутъ за собою строгія взысканія съ виновныхъ; слѣдствіемъ этого было значительное уменьшеніе жалобъ на безпорядки по станціямъ. Въ отпускѣ лошадей никому, безъ основательныхъ причинъ, не отказывается, и проѣзжающимъ предоставлена полная возможность контролировать всѣ дѣйствія станціонныхъ служителей въ этомъ отношеніи. Почтовые чиновники безплатнымъ проѣздомъ по своимъ дѣламъ не пользовались и не пользуются; это могутъ подтвердить всѣ почтосодержатели. Безпорядки въ почтовомъ дѣлѣ, если только они доходятъ до губернской или окружной (главной) администраціи, строго преслѣдуются. Чиновники губернской и главной (окружной) администраціи никакихъ безобразій не дѣлаютъ, живя на виду у общества и объ-руку съ нимъ. Настоящая почтовая администрація, несмотря на строгія взысканія за безпорядки на станціяхъ, успѣла заручиться и довѣріемъ почтосодержателей. Подъ вліяніемъ этого довѣрія, цѣны на содержаніе станцій въ Иркутской губ. и Забайкальской обл., несмотря на вышатапную во торгахъ наклонность къ чыовышенію, понижены, при помощи активнаго участія почтовыхъ чиновъ, на 290 т. руб. въ годъ, что доставило казнѣ береженія, въ теченіи контрактнаго періода, около полутора милліона руб. Сумма пониженія цѣнъ говоритъ сама за себя и достаточно характеризуетъ дѣятельность настоящей почтовой администраціи, отвѣчая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на поставленный редакціею вопросъ. Но всѣ подобныя перевороты къ лучшему, совершаемые (какъ это) въ короткій періодъ времени (въ два года), даются не безъ борьбы съ старымъ порядкомъ и старыми дѣятелями, изъ числа которыхъ многіе должны были оставить служебное поприще“.

Въ томъ же номерѣ отвергается заявленіе, сдѣланное въ № 18 „Вост. Обозрѣнія“, и указывается, что оно сдѣлано лицомъ пристрастнымъ. Что почтовые порядки въ Восточной Сибири улучшились

мы охотно желаем верить и будем ожидать свидетельства пробажающих. Местная газета лучше нас также может проверить эти факты. На некоторые уверки, сданные нам, мы должны ответить, что если печатать и вводилась иногда въ заблужденіи, то она всегда давала возможность и поправить ошибку.

Смѣемъ думать, однако, что только благодаря обнаруженіямъ и услугамъ той же печати, изгладилось многое изъ прежнихъ безобразій. Въ этомъ случаѣ не могутъ не признать лица благомыслящаго нѣкотораго значенія печати.

Намъ сообщаютъ изъ Тобольска: «Извѣстно, что наши каторжныя тюрьмы рѣшительно деморализуютъ находящеся въ нихъ населеніе. Въ тюрьмахъ нѣтъ правильно организованныхъ работъ, нѣтъ и другого рода средствъ, которыя, благотворно дѣйствуя на душу арестанта, сокращали бы длинную вереницу дней его пребыванія въ тюрьмѣ. И вотъ, волей-неволей, арестанта рѣшаютъ на подконтъ. Такъ, 16 іюня, въ отдѣленіи при каторжной тюрьмѣ № 1-й обнаруженъ подконтъ, проведенный изъ пращанной къ тюремной оградѣ, выходящей на Иртышъ. Говорятъ, что немного оставалось арестантамъ доработать до конца. Виновные въ подконтѣ не открыты, а недавно, посланы въ Восточную Сибирь неблагонадежные арестанты, такъ-какъ они уже „отбыли наказаніе“.

Оттуда же пишутъ: „17 іюня, въ 7 часовъ по полудни, произошелъ пожаръ въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ, вслѣдствіе неправильнаго, какъ говорятъ, устройства дымовыхъ трубъ, причемъ другіе прибавляютъ, что трубъ именно тѣхъ, которыя были исправлены, а частью и вновь сложенные не далѣе миноваго лѣта! Казалось бы, надо удивляться такой непроницательности тобольскаго кирпична, но необходимо также принять во вниманіе, что почти вслѣдкій ремонтъ въ тюрьмахъ происходитъ подъ наблюденіемъ „обремененнаго дѣлами“ директора тюремнаго комитета, или же подъ надзоромъ „всевидающаго“ архитектора—любителя хозяйственнаго искусства производства построекъ и ремонтныхъ работъ.

Въ Иркутскѣ, на должности учителя гимназій, находился весьма почтенный молодой ученый г. Щеголевъ, извѣстный уже трудами по исторіи Сибири. Недавно при газетѣ „Сибирь“ помѣщена любознательная статья его по хронологіи Сибири. Мы слышали, что этого ученаго, однако, постигла нѣкая невзгода за знакомство съ редакціей мѣстной газеты: его перевели въ какой-то глухой уфядный городъ, вѣроятно для облегченія научныхъ занятій. За то г. Тягуновъ награждаетъ, какъ увидимъ ниже, золотымъ исправничествомъ.

Газета „Сибирь“ сообщаетъ, что позиціей-истеромъ г. Иркутска назначается г. Мавовскій, на мѣсто г. Тягунова, получившаго должностъ горнаго исправника олекминской системы, а главнымъ инспекторомъ училищъ назначенъ Раевскій изъ Оренбурга. Директоръ иркутской гимназій и учитель исторіи также замѣняются другими лицами. Оставилъ свою должностъ и инспекторъ военной прогимназій. Переведенъ въ Туркестанъ управлюющій иркутскою контрольною палатою, кн. Вяземскій. Иркутскій губернаторъ продолжаетъ своимъ циркулярами „подтигивать“ земскую полицію. Такъ, въ № 20 „Ир. Губ. Вѣд.“ напечатано два циркуляра: первымъ предписывается земской полиціи исполнять въ точности законныя постановленія о мѣрахъ при появленіи новальныхъ болѣзней, а другимъ—принимать законныя мѣры противъ лѣсныхъ пожаровъ, и при этомъ приказано разослать по волостямъ и селамъ соответствующія правила.

Въ той же газетѣ пишутъ, что въ Иркутскѣ, въ скоромъ времени, будетъ издаваться новая газета „Иркутининъ“. Редактировать ее будетъ одинъ адвокатъ изъ военныхъ юристовъ, столь извѣстный употребленіемъ въ своихъ прошеніяхъ и объясненіяхъ ругательныхъ выраженій, почему прошенія эти нерѣдко ему возвращаются на основ. 3 п. 224 ст. т. X., ч. 2 зак. о суд. гр. Въ настоящее время этотъ адвокатъ, какъ слышно, занятъ обработкой своего сочиненія подъ названіемъ „Клопы“; оно будетъ помѣщено въ „Иркутининѣ“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Владивостокъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Въ настоящее время, для всего приморскаго края еще продолжается періодъ почтостоянія, по причинѣ прекращенія сухопутнаго сообщенія по системамъ рѣкъ Уссури и Амура. Это время, обыкновенно продолжающееся, въ сложности, осенью и весной до четырехъ-пяти мѣсяцевъ въ году, при отсутствіи интересовъ, связывающихъ нашъ край съ остальнымъ міромъ, по большей части даетъ себя знать разными скандальчиками и скандалами, около которыхъ и вращаются наши незатѣйливые жизненные интересы. Ныѣшній годъ былъ какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила, и о скандалахъ что-то не слышно. Не поворотъ ли это къ лучшему? Дай Богъ. Говоря собственно о Владивостокѣ, я долженъ сказать, что въ его общественной жизни менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ приморскаго края, проявляется эта особенностъ, зависящая отъ упомянутыхъ физическихъ причинъ. Потому ли это, что общество наше, крайне разрозненное и раздѣленное на мелкіе кружки, почти не живетъ общою жизнью и одна часть его чуждается другой, или оттого, что городъ нашъ менѣе разобщенъ съ остальнымъ свѣтомъ, чѣмъ всякая другая мѣстностъ края, благодаря своему приморскому положенію и, сравнительно, болѣе скорому сообщенію, открывающемуся морскимъ путемъ,—не берусь рѣшать, но думаю, что обѣ эти причины имѣютъ здѣсь нѣкоторую долю значенія. Кромѣ открытія навигаціи и прихода судовъ, привезшихъ намъ свѣдѣнія изъ нашей милой, далекой родины, важнѣйшая новостъ, не только интересующая насъ, жителей Владивостока и всего Южно-Уссурийскаго края, но и немало волнующая,—это упорно держащійся уже около мѣсяца слухъ о томъ, что наши взаимныя политическія отношенія съ Китаемъ опять шатаются, что нужно будто бы даже ждать войны. О причинахъ возникшихъ недоразумѣній толкуютъ разное, но болѣе вѣроятный изъ слуховъ объясняютъ, что будто бы сыр-боръ загорѣлся изъ-за небольшой деревеньки Савеловки, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленной русскими властями—должно быть, по невѣденію своей границы на китайской территоріи—и населенной корейцами—русскими подданными. Говорятъ, что недоразумѣніе это получило угрожающій характеръ только благодаря недостатку такта у нашихъ пограничныхъ властей въ сношеніяхъ и переговорахъ съ китайскими представителями. Если это такъ, то не думаю, чтобы изъ-за такой ничтожной причины дѣло дошло до разрыва съ нашимъ гигантскимъ сосѣдомъ, сильнымъ изумительною, по количеству, массою пушечнаго мяса и денежными средствами, съ помощью которыхъ найдутся наемные руководители въ борьбѣ съ нами. Не вѣрится слухамъ, что будто бы самъ Китай, во что бы то ни стало, ищетъ случая къ столкновенію съ Россіей, будучи все-таки недоволенъ кульджинскимъ трактатомъ. Его миролюбивая политика въ теченіе многихъ вѣковъ и положительное отвращеніе къ воинственнымъ предпріятіямъ, если его самого оставляютъ въ покоѣ, суть лучшія гарантіи того, что всякое недоразумѣніе, а въ особенности, если виновники его мы сами, можетъ быть улажено дипломатическимъ путемъ. Какъ бы то ни было, но все мы здѣсь въ немаломъ волненіи отъ этихъ слуховъ: портъ нашъ, даже для азійскаго врага, не защищенъ настолько, чтобы съ успѣхомъ выдержать борьбу; о границѣ и русскихъ населеніяхъ уже не говорю: нѣсколько тысячъ штыковъ, считая въ томъ числѣ и казаки войска,—это такая капля въ морѣ для защиты пространства, имѣющаго протяженіе на сотни верстъ, что обѣ этомъ и говорить не стоитъ. Общее, единодушное желаніе наше—жить въ мирѣ съ сосѣдомъ, развивая съ нимъ торговые сно-

пеня, и не вызываться въ раззорительную для молодого края и для государственной казны войну. Будемъ думать, что угрожающіе слухи, къ общему благополучію, останутся только слухами, и что возникшее недоразумѣніе возьмется мирный исходъ. На дняхъ здѣсь получено по телеграфу распоряженіе о приостановленіи увольненія въ запасъ нижнихъ чиновъ, и, вслѣдствіеэтого, уволенные изъ крѣпостной артиллеріи нижніе чины, которые были уже распушены по городу, передъ отправкою ихъ моремъ въ Россію, вновь призваны на службу.

Благовѣщенскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Наконецъ-то открылась навигація: 8-го мая отправился первый пароходъ „Гражданинъ“ въ Стрѣтенскъ. Интересно было бы знать, въ силу какихъ это особенно-исключительныхъ политическихъ соображеній здѣсь существуетъ порядокъ, что пароходники требуютъ у пассажировъ удостовѣренія отъ полиціи въ томъ, что препятствій къ выѣзду не имѣется?

Насколько извѣстно, въ Россіи ни на желѣзныхъ дорогахъ, ни на пароходахъ нѣтъ подобныхъ препятствій. Если это введено въ прошломъ году, вслѣдствіе того, что тогда разыскивали бѣжавшихъ двухъ государственныхъ преступниковъ, которые тогда не были пойманы, то какой же имѣеть смыслъ эта процедура нынѣ? Съ какой стати людямъ совершенно легальныхъ подвергать такой неурядности *)?

Каждогодно здѣсь производятся постройки домовъ и каждый разъ это сопряжено съ хожденіемъ по нѣскольکو разъ къ архитектору, который чрезвычайно тяжелъ на подъемъ; если какойнибудь смѣльчакъ вздумаетъ начать постройку прежде, чѣмъ планъ утвердитъ архитекторомъ, то, разумеется, работы приостанавливаются, и разбираются вновь архитекторомъ только по полученіи послѣднимъ конфиденціального посланія въ закрытомъ пакетѣ...

Точно также, планы, составленные на сторонѣ, не утверждаются, хотя они и были бы составлены по всѣмъ правиламъ архитектурнаго искусства.

Вчера здѣсь вынули изъ петли одного крестьянина, который удавился на дѣспильныхъ козлахъ, въ центральной улицѣ, среди бѣлаго дня: до пятидесяти человѣкъ любовались этимъ зрѣлищемъ почти два часа, и никто не смѣлъ вынуть самоубійцу изъ петли до появленія полиціи, а по прибытіи послѣдней, разумеется, было уже поздно.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Здѣшній полиціеимейстеръ, г. Тягуновъ, наконецъ оставляетъ настоящую должность. Говорятъ, онъ будетъ опредѣленъ горнымъ исправникомъ на олекминскіе приски. Горный исправникъ — это ничто иное, какъ полицейскій чиновникъ на правахъ отдѣльнаго засѣдателя, подчиненный окружному полицейскому управленію; жалованье онъ получаетъ небольшое. Казалось бы, переводъ на такую должность съ поста полиціеимейстера губернскаго города, какъ пониженіе въ порядкѣ служебной іерархіи, могъ бы дѣлаться только въ видѣ административнаго взысканія по службѣ (смѣщеніе съ высшей должности на низшую), но здѣсь смотрятъ иначе. Всѣ, имѣющіе попползованіе на служебный виражъ, стараются добиться исправничества на прискахъ. Дѣло въ томъ, что между золотопромышленниками съ давняго времени установленъ обычай — ежегодно уплачивать горному исправнику по рублю съ каждаго присковаго рабочаго. Это, слѣдательно, составляетъ нѣсколько тысячъ въ годъ. Г. Тягуновъ, безкорыстие котораго почти вошло здѣсь въ пословицу, принимаетъ эту скромную должность,

вѣроятно, для того, чтобы положить конецъ такому безправственному обычаю. — Теперь Иркутскъ озабоченъ вопросомъ: кто будетъ полиціеимейстеромъ? Мѣсто это, говорятъ, предлагалось г. В., но В. занимаетъ весьма выгодный постъ по интендантству; извѣстно также, что В. — зять одного изъ видныхъ администраторовъ. Послѣ г. В., должность полиціеимейстера предложена г. Маковскому, начальнику казачьей сотни, уже исправлявшему однажды эту должность. Онъ, говорятъ, не прочь занять ее, но подъ однимъ условіемъ, — чтобы дума ассигновала ему три тысячи рублей въ годъ добавочнаго жалованья: „у меня, говоритъ, девять человѣкъ дѣтей“. Какое дѣло думѣ до дѣтей г. Маковского, и какое ей дѣло вообще до жалованья полиціеимейстеру — правительственному чиновнику, которому само правительство, разумеется, знаетъ, какое слѣдуетъ назначить жалованье, — объ этомъ не говорится. Полиціеимейстеръ получаетъ здѣсь жалованья 1,500 руб. и готовую квартиру. Этого, конечно, достаточно для чиновника, у котораго нѣтъ барскихъ претензій. Совѣтники губернскихъ мѣстъ, которымъ подчиненъ полиціеимейстеръ, получаютъ не больше (совѣтники губернскаго суда даже меньше). Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ полиціеимейстеры обыкновенно бываютъ преисполнены барскихъ претензій съ одной стороны, и стремленія „обезпечить свое состояніе“ службой — съ другой. Но при такихъ стремленіяхъ, разумеется, никакое жалованье не будетъ достаточно. Говорятъ, что если дума назначитъ полиціеимейстеру 3,000 р. прибавки, то онъ уже будетъ исполнять всѣ ея требованія, что нынѣ дѣлается очень рѣдко и только случайно. Но что же это значить въ переводѣ на обыкновенный языкъ? Значить, что дума должна дать полиціеимейстеру крупную взятку, лишь бы онъ дѣлалъ для нея то, что обязанъ дѣлать по закону, и въ добавокъ, чтобы правительственный чиновникъ обратился въ думакаго служащаго. Правда, на золотыхъ прискахъ практикуется такая система, — ужъ не желаютъ ли и нашъ городъ обратиться въ золотой прискъ?

Верхнеудинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года истекаетъ срокъ полномочія нашей думы. Со времени введенія у насъ городского положенія прошло уже два четырехлѣтія. Желательно было бы бросить хотя бѣдный взглядъ на восьмилѣтнюю дѣятельность городского самоуправленія, но для этого, разумеется, нужны и вѣрныя цифры изъ городскихъ отчетовъ, а между тѣмъ, такыя не любилъ свѣта и публикованы не были. Нѣсколько разъ выбирались ревизійныя коммисіи, но отчеты и ими не трогались; наконецъ, въ ноябрѣ прошлаго года была назначена коммисія изъ трехъ гласныхъ, для провѣрки отчетовъ за первые шесть лѣтъ, съ платой за это 1,200 р. Городскіе доходы получаютъ отъ аренды городскихъ земель, общественныхъ зданій, перевозовъ, вѣсовъ и пр. По введеніи городского положенія, доходы эти увеличились въ три раза, но, кромя нихъ, пришлось ввести новые налоги, какъ-то на недвижимую собственность, сѣно, дрова, на матеріалы каменныхъ и деревянныхъ построекъ; въ особенности тяжелъ былъ косвенный налогъ на мясо, которое можно было брать только изъ опредѣленныхъ лавокъ. Прямой доходъ отъ аренды этихъ лавокъ получался небольшой, но арендаторы входили между собой въ стачку и назначали высокія цѣны. Каждый, имѣвшій скотину для продажи, принужденъ былъ продавать ее въ эти же лавки по 5 к. за ф., а затѣмъ покупать ее же по 10 к., такъ-какъ за продажи одной скотины было бы немалымъ арендовать лавку. Въ прошломъ году прибавилось въ Верхнеудинскѣ одно приходское училище, и теперь ихъ тамъ два; въ прошломъ же году была основана городская библиотека, на которую въ годъ ассигнуется 250 р. Самый большій расходъ шель на постройку общественныхъ зданій, воздвигавшихся всегда хозяйственнымъ способомъ. Находили выгоднымъ за-

*) Тѣ же жалобы слышатся и изъ Западной Сибири отъ профѣжающихъ.

готовлять хозяйственнымъ способомъ даже все потребное для пожарной команды, городской управы, ратуши и пр. Будущій историкъ нашего самоуправленія, вѣроятно, отзовется съ похвалою о нашихъ управителяхъ и будетъ удивляться, отчего имъ не воздвигнуто монумента. Дѣйствительно, изъ архива будетъ видно, что они не жалѣли ни времени, ни трудовъ для произведенія всего хозяйственнымъ образомъ, тогда-какъ, разумеется, было бы легче для нихъ отдать все на подрядъ, и къ тому же пользовались они такимъ неограниченнымъ довѣріемъ со стороны гласныхъ, что отчеты городской управы и не провѣрялись своевременно. Спусти шесть лѣтъ, для полученія 1,200 р., взялись за провѣрку, но она производилась уже по справочнымъ цѣнамъ, составленнымъ самой же управой.

Устькаменогорскъ Семипалатинской области (корресп. „Вост. Обозр.“). Празднества окончились благополучно, справили даже фейерверкъ. А привилегированный классъ или нѣкоторые, принадлежащіе къ нему, величающіе себя „интеллигентными“ и имущіе горожане, или шампанское, провозглашая тосты и вызывая собравшійся народъ кричать „ура!“... Но замѣчательнѣе всего то, что распорядитель этимъ народнымъ праздникомъ, городской голова З., въ концѣ концовъ самъ предлагалъ тосты за свое собственное здоровье,—это ужъ чересчуръ наивно... Раньше ходилъ слухъ, что во время народнаго праздника будетъ приготовленъ для народа чай и выставятъ пиво, но ни того, ни другого сдѣлано не было,—шли только бѣдный народъ наглотасы, благо прелестіе его „рыломъ“ мѣстная „интеллигенція“ выхлопывала эту пыль изъ своихъ шинелей... На замѣчаніе нѣкоторыхъ лицъ относительно неустроеннаго для народа угощенія, городской голова отвѣтилъ, что угощенія того онъ не могъ устроить по ограниченности городскихъ суммъ. Съ этимъ, пожалуй, нельзя не согласиться, потому что на исключительныя городскія нужды предполагается затрата довольно крупная, если принять за все то, въ чемъ нуждается городъ, не откладывая въ долгій ящикъ. А тутъ вонъ еще полицейскія власти вяжутся, лично обиженные за несдѣланную имъ прибавку фуражныхъ денегъ, хотя небольшихъ, правда,—рублей 30 въ годъ,—но вѣдь полиціанты—народъ мстительный: не хотѣла дума сдѣлать для насъ малаго, такъ накажемъ же тебя, матушка, на большемъ—и пошла писать губернія, и пошли ходить крошечки полицейскіе... Вотъ результатъ этихъ дразгъ: 1) въ видахъ уничтоженія непроходимои грязи на базарной площади, она засыпалась навозомъ, а потомъ галькой, что допускалось полиціей и городо-вымъ врачемъ; нынѣ же приказано бутить одной галькой и древесой; 2) настоятельно требуются отъ городской думы ремонтъ полицейскаго управленія и постройка отхожаго мѣста для пожарной команды: куда же ходила пожарная команда по естественной надобности ранѣе—это вѣдаетъ одинъ полиціейстеръ; 3) въ прошломъ году, для нашего невозмутимо-спокойнаго, какъ заплѣсѣвшая поверхность болота, города достаточно было восьми стражниковъ, теперь же почему-то потребовалось 18-ть; за содержаніе этихъ стражниковъ, которымъ ровно нечего дѣлать, изъ городскихъ суммъ приходится отпускать 1,800 руб., что очень чувствительно для такого маленькаго городка, каковъ нашъ... Тамъ думскій секретарь просить прибавки 100 руб. къ получаемому имъ отъ думы содержанію; тамъ инспекторъ городского училища требуетъ квартиры или квартирныхъ денегъ,—хоть всѣ выкинь городскія суммы, да и только!.. Двумъ послѣднимъ городская дума отказала на-отрѣзъ, но съ полиціей изъ-за 30 руб. не такъ скоро сдѣлаешься: извѣстное дѣло, полиція дойдетъ не мыгмемъ, такъ ка-таньемъ...

Недавно мы прочитали телеграмму, перепечатанную во многихъ газетахъ, которая гласила, что устькаменогорскій городской голова угрожалъ гг. гласнымъ судомъ, если не дадутъ квартирныхъ денегъ его пріятелю. По собраннымъ нами достовернымъ свѣдѣніямъ оказалось, что телеграмма извратила фактъ, а дѣло, между тѣмъ, было такъ: инспекторъ городского училища, г. Соллоубъ, просилъ отвести ему полагающуюся квартиру, или же на заемъ ей выдавать помесячно деньги. Гласные думы отказали, на что городской голова возразилъ: „отказъ вашъ, гг. гласные, въ отводѣ квартиры инспектору городского училища неоснователенъ, квартиру ему все равно придется отвести; въ противномъ же случаѣ онъ (т. е. инспекторъ) будетъ жаловаться своему начальству, а въ крайности будетъ искать съ насъ затраченныя имъ на заемъ квартиры деньги черезъ судъ“. Развѣ это застращиваніе гласныхъ судомъ, учиненное городскимъ головою? Писавшій телеграмму слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Но мы скорѣе предполагаемъ, что телеграмма эта писана не безъ умысла, такъ-какъ, говорятъ, въ здѣшней городской думѣ образовалась партія, рѣшившаяся парализовать дѣятельность новаго городского головы, хотя послѣдній ничего во вредъ обществу и не сдѣлалъ.

Тобольскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Не далѣе, какъ прошлымъ лѣтомъ, производился, подъ наблюденіемъ губ. архитектора, ремонтъ очень небольшого каменнаго зданія, существующаго на вершинѣ горы и занятаго архивомъ губернскихъ учрежденій; подъ этимъ зданіемъ, имѣющимъ сводъ, проходитъ такъ-называемый прямая свозъ, или, правильнѣе—сходъ, ибо проѣзда не существуетъ. На ремонтъ этого зданія, оставленнаго попрежнему съ деревянной крышей, губ. строительной комиссіей уложено четырнадцать тысячъ (десятки рублей и копейки отсѣкаемъ, приѣвляясь къ извѣстному, существующему въ счетномъ уставѣ правилу). Но предъставьте удивленіе публики (объ удивленіи строителей и принимателей работъ мы не говоримъ, ибо ихъ ничѣмъ не удивимъ!)—въ одинъ по истинѣ прекрасный июльскій день, изъ свода названнаго зданія показывается течь обильная. Ужъ не чудодѣйственный ли источникъ открывается тутъ? говорили многіе, видѣвшіе это. Недоумѣніе публики еще увеличилось, когда течь не прекращалась въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду. Многіе, проходившіе около этого мѣста, остававлялись и, кивая своими главами, въ простотѣ сердечной произносили: „падающая вода сія есть слезы умиленія множества изъ тѣхъ смертныхъ, память о которыхъ ни въ чемъ другомъ не сохранилась, какъ только въ запискѣ архивныхъ дѣлъ, починающихся въ семъ значномъ мѣстѣ“. Намъ передавали по этому случаю, что будто бы городская полиція, опасаясь несчастнаго случая, могущаго послѣдовать при паденіи свода, устремилась съ бумажечкой въ гор. управу, требуя отъ послѣдней принятія мѣръ къ устраненію этой опасности и не зная, вѣроятно, что объясненное зданіе находится именно въ вѣдѣніи гор. управленія. Но вотъ финалъ такого явленія. Строительная комиссія разомъ ставитъ лѣстницы къ окошку (виновать: не къ окошку, а къ зданію) и при посредствѣ ихъ подводитъ подъ сводъ зданія деревянные стойки... это послѣ четырнадцати-то тысячъ! А далѣе что? Далѣе новый осмотръ зданія, новый проектъ, новыя денежки, новое производство ремонтныхъ работъ... но только избави насъ Богъ отъ новаго и подобнаго же живоноснаго источника... Кажется, очень кстати теперь въ умиленіи сердца воспѣть вѣчную память тѣмъ плѣннымъ шведамъ, руками и трудами которыхъ, какъ извѣстно, воздвигнуто было названное зданіе, до исправленія онаго работами строительной комиссіи никогда не дававшее такого обилія течи, а чрезъ сводъ— послѣдняя и вовсе не показывалась.

Томскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Въ только-что полученномъ № 24 „Томск. губ. вѣдомостей“ напечатано воззваніе къ сибирскому обществу о помощи переселенцамъ. Въ воззваніи этомъ говорится, что сибирское общество должно заняться переселенческимъ вопросомъ. Починъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ нуженъ мѣстный, общественный, параллельный мѣрамъ, осуждаемымъ правительствомъ, дабы общими силами государства и мѣстнаго общества поставить дѣло переселенія на твердую почву. Нужно начать съ устройства переселенческаго фонда, составить который всего удобнѣе было бы правильно организованному „обществу вспоможенія переселенцамъ“, учрежденному хотя бы при Томской думѣ. Несложный уставъ такого общества могъ бы быть выработанъ въ нѣсколько дней и быстро утвержденъ. Безъ сомнѣнія, найдутся энергическіе люди, которые дѣльно и горячо примутся за благое и важное дѣло; найдутся и капиталисты, которые принесутъ новому обществу крупныя вклады; не будетъ недостатка и въ лицахъ, готовыхъ безкорыстно положить на пользу края свой посильный трудъ. Подобныя же мысли о мѣстномъ переселенческомъ фондѣ были высказаны и въ нашей газетѣ, въ номерѣ за прошлую недѣлю. Мы также не сомневаемся, что въ сибирскомъ обществѣ отыщутся капиталисты, которые суждуютъ оцѣнить важность переселенческаго движенія для Сибири и откликнутся на призывъ „Томск. губ. вѣдомостей“. Движеніе сибирскаго общества на встрѣчу переселенческому вопросу можетъ получить видъ новаго и съ существенными послѣдствіями для страны сопряженнаго протеста противъ штрафной колонизаціи. Въ сибирскомъ обществѣ не мало собирается денегъ на улучшеніе нищизны въ тюрьмахъ, на дѣтскіе пріюты при острогахъ, — не болѣе ли правъ на это вниманіе къ своимъ нуждамъ имѣютъ добровольные переселенцы въ Сибирь, которые несутъ въ свою новую родину не развратъ, пороки и сифилисъ, а честный трудъ, любовь къ мирной жизни и культурныя пріобрѣтенія? Не безъ удовольствія спѣшимъ отмѣтить, что томская администрація какъ бы измѣнила свои отношенія къ вопросамъ сибирской жизни къ лучшему: еще недавно она искусственно раздувала агитацію въ пользу арестантскаго пріюта; теперь же, съ своимъ предложеніемъ основать „общество вспоможенія переселенцамъ“, она какъ бы демонстрируетъ свое желаніе стать ближе къ мѣстнымъ потребностямъ. Равнымъ образомъ мы совершенно оогласны съ „Томск. губ. вѣдомостями“, что въ Сибири не будетъ недостатка и въ лицахъ, готовыхъ безкорыстно послужить на пользу края своимъ личнымъ трудомъ. Несомнѣнно, въ каждомъ сибирскомъ городѣ, лежащемъ на пути переселенцевъ, можно найти людей, которые съ удовольствіемъ приняли бы на себя безвозмездный трудъ слѣдить за ними, снабжать ихъ необходимыми свѣдѣніями, совѣтами, маршрутами и брошюрами, буде таковыя будутъ для переселенцевъ изданы, и выдавать пособия, если послѣднія этия агентамъ будутъ врычены. Правительство и мѣстныя начальства, съ предовой эпохи свѣдущихъ людей, начинаютъ все болѣе и болѣе прибѣгать къ услугамъ честныхъ и преданныхъ отечественнымъ интересамъ частныхъ лицъ и не брезговать ими; но необходимо помнить, что такія отдѣльныя услуги далеко не могутъ быть такъ полезны и такъ многочисленны, какъ еслибы они исходили отъ соединеннаго общества. Мы все еще болѣе сплоченія привлекаемыхъ къ общественному служенію частныхъ лицъ. Административное лицо должно само искать такихъ лицъ по захолустьямъ провинціи; другое дѣло—общество: къ нему сами эти силы идутъ.

Аиша (корресп. „Вост. Обзор.“). Въ нашихъ кабакахъ продаютъ не водку, а отраву. Пробовали выпаривать ее—и изъ трехъ рюмокъ водки получали полрюмки, да зеленый растворъ яри-мѣдянки. Отъ водки у многихъ является нервное расстройство и рвота. Было уже

два смертельныхъ случая отъ нея. Такъ, здѣсь умеръ одинъ старикъ, казакъ Тюменцевъ. Продавъ кирпичъ чаю, онъ напился водки и пошелъ въ гости, гдѣ и случилась съ нимъ рвота. По приводѣ его домой, онъ черезъ часъ умеръ; рвота не прекращалась до самой смерти. Другой случай былъ въ деревнѣ Нарасунѣ: здѣсь, на Пасхѣ, послѣ гулянки, умеръ молодой казакъ Перфильевъ и также отъ рвоты. Эти случаи прошли незамѣченными. Наши власти и эскулапы хранятъ глубокое молчаніе, хотя объ отравленіи водки ярьомѣдянкой и было сообщено участковому врачу. Наша медицина, какъ и власти, заботятся болѣе о приращеніи своихъ капиталовъ, чѣмъ о своемъ дѣлѣ. Медицина никого не удовлетворяетъ. Фельдшерамъ здѣсь запрещено лечить больныхъ: такъ распорядился недавно прибывшій сюда врачъ Буевичъ; помощь же здѣшнихъ врачей для простолюдыя и небогатыя жителей совершенно недоступна. Къ врачамъ не обращаются или потому, что, молъ, „нельзя, начальство!“ или—потому, что „все равно, не поѣдетъ“, не говоря уже о чрезмѣрной дороговизнѣ не то, что леченія, но и одного посѣщенія больного врачомъ. Такъ, одинъ казакъ приглашалъ къ больному здѣшняго врача и получилъ въ отвѣтъ: „поѣду я къ вамъ въ какую-то кирпичню!! везите сюда!“ Больного же не только везти, но и нести не было возможности. Фельдшерамъ частная практика воспрещена, а въ пріемныхъ покояхъ весь уходъ за больными и ихъ леченіе лежитъ на тѣхъ же фельдшерахъ; врачи посѣщаютъ эти покои въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ. Другое дѣло—пріиски! Какъ врачи, такъ и здѣшняя администрація частенько посѣщаютъ ихъ и по-долгу проживаютъ тамъ. Всѣ заботы свои по службѣ они обратили на скорое и безпрекословное исполненіе нуждъ пріисковъ магнатовъ, за что и получаютъ большіе куши.—Здѣсь смѣшается засѣдатель 1-го участка, Плотноковъ, и оставляетъ 139 неоконченныхъ дѣлъ только по первому участку! Новому засѣдателю будетъ много работы, старый же производитъ распродажу своего имущества. Откуда ваши засѣдатели берутъ средства для своей жизни, неизвѣстно; а что проживаютъ они вдвое, если не втрое болѣе, чѣмъ получаютъ по должности жалованья—это положительный фактъ. Вотъ примѣрный бюджетъ здѣшняго засѣдателя: жалованья, столовыхъ и на канцелярію онъ получаетъ въ мѣсяцъ 75 руб.; расходуетъ же въ мѣсяцъ: за квартиру со столомъ для двоихъ—30 руб., писарю—30 руб., кучеру—10 руб., ему квартира—9 руб., водка, табакъ и прочіе мелочныя расходы—50 руб., содержаніе 4-хъ лошадей—20 руб., всего же расходу въ мѣсяцъ 149 руб. Единоразомъ издержано имъ на заведеніе извожничьяго костюма себѣ и кучеру 30 р., 4 лошади стоятъ 300 руб., телѣги—150 руб., всего—480 руб. А одежда, обувь, бѣлье!

ГЕНРИХЪ ЛАНДЕЛЛЬ.

Мы получили отъ извѣстнаго путешественника Генриха Ланделля одну изъ послѣднихъ статей его, напечатанную въ „The Leisure Hour“ за іюнь 1883 г., о поѣздкѣ въ Бухару. При этомъ намъ прислана и біографія англійскаго пастора съ его фотографіей. Портретъ этотъ, однако, не особенно точенъ и мы имѣемъ его лучшую фотографію, полученную лично въ наше краткое свиданіе съ нимъ въ Петербургѣ. Онъ очень торопился тогда. О Сибири онъ говорилъ съ охотою, при чемъ зачѣмъ-то ему нужно было точно знать: „есть ли у насъ ртутныя рудники?“ Мы нашли въ немъ спокойнаго, мягкаго и благочестиваго пастора. Въ немъ не замѣтно было даже критическаго взгляда на русскую жизнь, столь свойствен-

наго англичанамъ, но въ немъ видна была энергія и настойчивость его расы. Онъ говорилъ прекрасно и очень изысканно по французски. Вотъ напечатанная его біографія.

„Д-ръ Ланселль, родившійся въ Тентерденѣ, въ Kentѣ, поступилъ въ лондонскую богословскую коллегію въ 1865 году и былъ посвященъ въ викариіи къ покойному капонику Миллеру въ Гринвичѣ, въ 1867 году. Въ 1869 г. онъ сдѣлался секретаремъ столичнаго общества для церковной миссіи въ Ирландіи. Черезъ пять лѣтъ онъ образовалъ Церковное гомилетическое общество, почетнымъ секретаремъ котораго и до сихъ поръ состоитъ; въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ изданіе „Clergyman's Magazine,“ который и до сихъ поръ продолжаетъ издавать. Но болѣе д-ръ Ланселль извѣстенъ, какъ путешественникъ и, такъ сказать, любитель-миссіонеръ, ибо онъ не только путешествовалъ вокругъ свѣта и за двумя исключеніями, посѣтилъ всѣ европейскія страны, но посѣтилъ даже части Сибири, Средней Азіи, Бухары и Хивы, гдѣ ни одинъ англичанинъ не былъ до него. Своей главной цѣлью въ путешествіяхъ, д-ръ Ланселль сдѣлалъ раздачу евангелій. Каждый годъ онъ раздавалъ тысячи брошюръ туземцамъ дикихъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ. Его смѣлая экспедиція сдѣлала его опытнымъ. Въ 1878 г. онъ оставилъ Петербургъ съ двумя вагонами, нагруженными св. Писаніемъ и другими книжечками, которыя онъ раздавалъ во время проѣзда 5,500 миль. Въ 1879 г. онъ проѣхалъ черезъ Азію къ сибирскимъ тюрьмамъ и рудникамъ; оставляя библіи и брошюры въ каждой больницѣ и каждой тюрьмѣ по всей Сибири, онъ роздалъ въ видѣ подарка или продажи 55,800 книгъ. Тогда-же д-ръ Ланселль продолжалъ свой путь вокругъ свѣта, черезъ Японію и С. Франциско, и, проѣхавъ черезъ Америку и Атлантической океанъ, совершилъ кругъ въ 25,500 миль. Въ 1880 г. д-ръ Ланселль удовольствовался поѣздкой въ 7,000 миль, на гору Араратъ въ Арменію, возвратившись черезъ Константинополь, Аѳины и Римъ, а въ 1882 году совершилъ отважное путешествіе въ 11,000 миль черезъ Русскую Среднюю Азію, т.-е. черезъ Куляджу, Бухару и Хиву, гдѣ онъ роздалъ 5,000 евангелій и 1,000 другихъ брошюръ. Д-ръ Ланселль издалъ весьма интересную книгу „Черезъ Сибирь“, которая имѣла обширный сбытъ и была переведена на нѣмецкій и шведскій языки. Подобно большинству путешественниковъ, д-ръ Ланселль—масонъ, и въ 1876 году онъ былъ опредѣленъ провинціальнымъ главнымъ девонскимъ капелланомъ. Въ 1876 г. онъ былъ избранъ членомъ Королевскаго Географическаго Общества, въ 1880 г.—пожизненнымъ членомъ Братской ассоціаціи пресуспѣшнаго науки, а въ 1882 г. покойный кантерберійскій архіепископъ пожаловалъ ему почетную степень доктора богословія за его литературныя и миссіонерскія заслуги.“

Эта замѣтка помѣщена въ духовной газетѣ „Church Bells“ („Церковные Колокола“); къ ней приложенъ портретъ Генри Ланселля, снятый съ фотографіи.

Н. Я.

ОБЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯХЪ ВЪ СИБИРИ.

Научное изслѣдованіе Сибири началось, какъ извѣстно, съ прошлаго столѣтія. Пльнные свѣдѣ, посланные Петромъ Великимъ, геодезисты и докторъ Мессершмидтъ положили ему первое начало. За ними слѣдовала достойная плеяда путешественниковъ—иностранцевъ, преимущественно временъ Екатерины II—Гмелинъ, Палласъ, Георги, Стеллеръ, и ихъ русскіе товарищи и ученики—Лепехинъ, Крашенинниковъ и др. Собранныя ими данныя были въ высшей степени цѣнны и долгое время оставались самыми обстоятельными и подробными. Наибольшее вниманіе было обращено путешественниками, конечно, на произведенія природы. Сначала интересовались „всѣми раритетами и аптекарскими вещами“, „рогами мамонтовыхъ“, „звѣрями и птицами зорочными“; затѣмъ стали преобладать болѣе высокіе научные интересы, изученіе горныхъ породъ, рудъ, ископаемыхъ, климата, растений, животныхъ, инородческихъ племенъ, до-историческихъ древностей и т. п. Мало по малу, Сибирь стали интересоваться и болѣе интеллигентные изъ сибиряковъ, а также забравшіеся туда на службу чиновники. Помимо заботъ о наживѣ и выслугѣ, стали удѣлять часы досуга на собраніе матеріаловъ и свѣдѣній для познанія малоизвѣстной страны. Въ трудахъ Словцова, Спасскаго, Геденштрёма, Степанова и Шукіна, а позже—Аргентова, Кривошанкина, Кашина, Третьякова, Черкасова и др. мы встрѣчаемъ весьма любопытныя и интересныя указанія. Ученныя экспедиціи въ Сибирь, между тѣмъ, послѣ нѣкотораго промежутка, возобновились. Инициатива ихъ исходила или непосредственно отъ правительства, или отъ академіи наукъ, или же (въ новѣйшее время)—отъ Географическаго Общества и его отдѣловъ. Оставляя въ сторонѣ Туркестанскій край и ограничиваясь лишь настоящею Сибирью, можно указать болѣе десятка именъ, съ каждымъ изъ коихъ связанъ значительный шагъ въ расширеніи нашихъ свѣдѣній о Сибири. Лезебургъ, Мейеръ, А. Гумбольдтъ, Г. Розе, Милдендорфъ, Радде, Шренкъ, Маакъ, Пржевальскій, Кастревъ, Шмидтъ, Чекановскій, Крапокинъ, Дыбовскій, Полюковъ и др.—собрали множество данныхъ, существенно дополнившихъ и измѣнившихъ имѣвшіеся до того свѣдѣнія и представленія. Въ вѣковыхъ отношеніяхъ, можно сказать, Сибирь изслѣдована теперь лучше Европейской Россіи. Такъ, ея минералогія, геогнозія, флора, звѣри, птицы и рыбы изучены довольно подробно и обстоятельно. Въ послѣднее время было обращено также вниманіе на изученіе культуры въ странѣ и, притомъ, какъ древнѣйшей, первобытной (напр., раскопки Витковского), такъ и новѣйшей быта, условій и склада жизни современнаго русскаго и инородческаго населенія. Собраны также нѣкоторые антропологическіе и этнографическіе матеріалы (черепъ, портреты, вещи), постунившіе отчасти въ столичныя, отчасти въ мѣстные музеи. Въ большинствѣ случаевъ, однако, эти свѣдѣнія и матеріалы собирались только немногими интеллигентными лицами, нерѣдко притомъ чуждыми странѣ и попавшими туда невольнo. Вслѣдствіе этого, сборъ матеріаловъ происходитъ урывками и болѣе или менѣе случайно. Оказался научно образованный, энергичный дѣятель въ какомъ нибудь районѣ—и свѣдѣнія о послѣднемъ начинаютъ возрастать и проясняться; но завелось еще такого дѣятеля—и наши познанія объ извѣстной области поднимаются впередъ лишь по мѣрѣ посѣщенія ихъ учеными экспедиціями.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы въ Сибири было положительное отсутствіе интеллигентныхъ людей. Даже въ средѣ крестьянства и мелкаго купечества встрѣчаются нерѣдко люди, стоящіе, по развитію и любознательности, выше средняго уровня тѣхъ же классовъ населенія въ Россіи. Но, кромѣ того, есть еще извѣстный контингентъ врачей, учителей, чиновниковъ, духовныхъ особъ (и семинаристовъ), способныхъ болѣе или менѣе интересоваться научными задачами и вопросами, и содѣйствовать, въ болѣе или меньшей сте-

пени, собранію матеріаловъ для ихъ разрѣшенія. Мѣстные ученые общества, редакціи газетъ, преподаватели семинарій и гимназій, лица стоящіе во главѣ медицинскаго персонала, — все они могли бы въ этомъ отношеніи руководить инициативой, направлять и заинтересовывать могущихъ быть полезными дѣятелей. Не слѣдуетъ смущаться отсутствіемъ надлежащей подготовки, ограниченностью знаний и средствъ; при интересѣ къ предмету и добромъ желаніи, даже и скромные дѣятели могутъ внести посильную лепту въ общую сокровищницу науки. Возьмемъ ли мы царство минераловъ, растений или животныхъ, обратимъ ли вниманіе на физическую географію, или на жизнь и бытъ морей, — всюду мы найдемъ богатую почву для наблюдений, и отъ способностей, терпѣнія и вниманія дѣятелей будетъ зависеть, — при сравнительно ограниченныхъ пособіяхъ и подготовкѣ, — сборъ болѣе или менѣе обширнаго и интереснаго матеріала.

Собіраніе свѣдѣній и коллекцій по геологіи, ботаникѣ и зоологіи требуетъ, впрочемъ, для своей успѣшности, нѣкоторыхъ знаний и практической сноровки. Необходимо знакомство съ элементарными науками, нѣкоторое знаніе того, что сдѣлано въ этомъ отношеніи для страны. Нужно имѣть понятіе о томъ, что и какъ наблюдать, на что обращать вниманіе, какъ составлять коллекціи, какъ, напримѣръ, собирать и сохранять растенія, добывать и препарировать животныхъ. Подождемъ, эти элементарныя свѣдѣнія не особенно сложны и приобрести ихъ, при желаніи и при содѣйствіи челоука знающаго или книжекъ — не особенно трудно. Тѣмъ не менѣе, ими все таки необходимо запастись, а это иногда можетъ быть сопряжено съ затрудненіями, особенно вдали отъ культурныхъ центровъ. Болѣе доступны наблюденія надъ людьми, — собраніе матеріаловъ по антропологіи и этнографіи. Исслѣдованія въ области этихъ отраслей знанія, правда, требуютъ основательнаго знакомства съ литературой, специальными научными задачами и методами, но дѣло идетъ не о такихъ сложныхъ, сравнительныхъ исслѣдованіяхъ. Мы говоримъ только о болѣе систематическомъ собіраніи матеріала, о наблюденіяхъ на мѣстѣ по извѣстной программѣ, о частныхъ исслѣдованіяхъ мѣстныхъ группъ населенія въ ихъ зависимости отъ окружающихъ условий. Въ этомъ отношеніи, мѣстные дѣятели могутъ принести громадную пользу; можно сказать даже, что безъ содѣйствія ихъ наука не въ состояніи приобретать достаточные, нужные матеріалы. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если обратить вниманіе на тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ эти науки стремятся, и на тѣ средства, которыми онѣ для того располагаютъ.

Подъ антропологіей разумѣется, какъ извѣстно, естественная исторія челоука, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Предметъ ея — изученіе челоуческихъ разномыслностей, физическихъ и психическихъ варіанцій челоуческаго типа. Цѣль ея — прослѣдить, какъ видоизмѣнился и видоизмѣняется основной типъ челоука по расамъ и племенамъ, и подъ вліяніемъ различныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ условий. Антропологія не удовлетворяется только тѣми данными о челоукѣ, которые даютъ анатомія, фізіологія и психологія такъ-называемаго челоука. Она видитъ въ челоукѣ не однообразную пору, но безконечныя варіанціи въ предѣлахъ извѣстнаго типа; она усматриваетъ въ челоуцествѣ разнообразіе и измѣненіе, и стремится отдалить въ нихъ себѣ отчетъ. Она исслѣдуетъ предѣлы измѣнчивости отдѣльныхъ признаковъ, сравниваетъ степень и формы ихъ развитія у различныхъ группъ людей и выводитъ отсюда заключенія относительно подраздѣленій челоуческаго типа, средства ихъ между собою и ихъ гезисиса, т. е. постепеннаго образованія. Тщательно анализируя факты, доставляемые наблюденіемъ, антропологія имѣетъ свою конечную цѣльную синтезъ, т. е. свѣдѣніе фактовъ въ систему, установленіе между ними связи и объясненіе ихъ смысла и происхожденія. Но разрѣшеніе такихъ высшихъ задачъ можетъ быть достигаемо только мало по малу, по мѣрѣ прогресса анализа и накопленія фактовъ. Наука о челоукѣ стала разрабатываться болѣе успѣшно только въ послѣднее время, поэтому она еще по многимъ

вопросамъ нуждается въ усиленномъ собіраніи наблюдений. По многимъ вопросамъ, многимъ племенамъ и областямъ — имѣется еще весьма ограниченное число данныхъ; по другимъ, хотя данныхъ и больше, но и они верѣдко устарѣли, отрывочны и неполны, и вообще не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки.

Для антропологіи необходимы данныя, во-первыхъ, о современныхъ группахъ населенія, и именно: а) объ ихъ физическомъ типѣ, и б) объ ихъ психическихъ особенностяхъ, включая сюда языкъ и все многосложная проявленія культуры; а, во-вторыхъ — о прежнемъ населеніи странъ, вклю чая сюда и до-историческую эпоху. Послѣднія исслѣдованія въ Сибири показываютъ, что и тамъ предстоить богатое поле для изысканій въ области до-исторической археологіи, и что сибирскіе курганы, могильники, а можетъ быть, и пещеры, въ состояніи еще доставить интересныя данныя для познанія первобытной культуры. По изученіи современнаго населенія во многихъ отношеніяхъ представляетъ еще болѣшую важность. Въ Сибири мы имѣемъ, съ одной стороны, рядъ породцевъ различнаго типа и разныхъ степеней культуры, съ другой — русское населеніе, собравшееся сюда изъ разныхъ мѣстъ, въ различной степени смѣшавшееся съ инородцами и подвергшееся разнороднымъ климатическимъ и социальнымъ условіямъ. Мы видимъ, съ одной стороны, вымирающіе племенные и культурные типы, съ другой — типы новые, образовавшіяся путемъ смѣшенія племенъ или путемъ естественнаго подбора приспособившихся къ различнымъ условіямъ переселенцевъ. Разнообразіе почвенныхъ и климатическихъ условій, отъ горныхъ ущелій и роскошныхъ пахитей на югѣ до глухой тайги и скудной тундры на сѣверѣ, должно было уже само по себѣ благоприятствовать обособленію мѣстныхъ типовъ.

Д. Аничкинъ.

ВЪ ГОРАХЪ ДАРВАЗА-КАРАТЕГИНА.

(На верховья Аму-Дарья).

(Окончаніе).

Весь восьмиверстный путь до Соры-пуля прорѣзывается частыми протоками Яхъ-су, которая сопровождается на югѣ чрезвычайно красивымъ снѣжнымъ гребнемъ Чиль-дохтеронъ, съ цѣлой группой величественныхъ образованій самыхъ причудливыхъ формъ. Назовемъ протоки верховьевъ Яхъ-су отъ Соры-пуля: Якунчъ, Кодара, Пятауды, Нульдара, Хоргушъ, Фахтамалъ, Шугнобъ, Полизакъ (лѣвый берегъ) далѣе: Румъ, Хочанокъ, Чондыровъ, Сырго, Дивлохъ, Которокъ, Софитъ-Ойлянъ, Сіобъ, Дивдора, Тольваръ (правый берегъ). Въ селеніи Соры-пуля, въ 50 дворовъ, съ небольшою крѣпостью на берегу впадающей здѣсь въ Яхъ-су рѣки Якунчъ, надъ которой громоздится пикъ Новросъ, жизнь горца носитъ уже характеръ вполне суровой, трудной борьбы съ дикою природою, съ малоземельемъ, по отсутствію удобныхъ мѣстъ для пахоты, и съ ужасающей нищетою. Поднимаясь вверхъ отъ Соры-пуля по лѣвому берегу Яхъ-су, имѣющей во многихъ мѣстностяхъ легкіе деревянные мосты, встрѣчаешь поселки хотя и частые, но видъ ихъ крайне жалкій, а бытъ горцевъ, удѣляющихъ въ своемъ жилищѣ — плоскостройной саклѣ — мѣсто для скота, вопль дикій, чуждый намека на самыя скромныя удобства обыденной жизни, придаленной здѣсь нуждой, голодовкой, борьбой съ суровой, многоснѣжной зимой. Немногіе лишь кишлаки имѣютъ кое-какое земледѣльство, обезпечены топливомъ, получаемымъ изъ густыхъ рощъ (орѣха, яблони, горькаго миндаля, дулона, арчи изоронгъ клена), занимающихъ побережье и нагорье; верхніе же поселки отъ Калаиха о м а (30 верстъ отъ Соры-пуля), гдѣ уже начинаются голыя скалы и морены истоковъ Яхъ-су, существуютъ только золотодобычею. Этимъ дѣломъ занимаются до 30 кишлаковъ верховьевъ Яхъ-су и самаго высшаго протока Шугнобъ, которые и те

перь посвятить по берегам слѣды больших когда-то работ золотопромыванія. Эти работы горцы ведутъ самымъ примитивнымъ способомъ, промывая лѣтомъ побережный песокъ надъ шерстяной подстилкой, прополаскиваемой потомъ, и зарываясь зимою въ шахты на глубину 20 аршинъ—не болѣе, причемъ никакимъ приспособленіемъ для предупрежденія обвалов не полагается и, разумеется, рабочіе гибнутъ частенко. Золотопромываніе, наружное и шахтовое, ведется обыкновенно артелью въ 6 человекъ, которая вырабатываетъ въ день не болѣе рубля, получая пластинки металла величиною не крупнѣе дрянного зерна. Видъ ужасную бѣдоту и полудикій образъ жизни этихъ тружениковъ, называющихъ себя давнишними выселенцами изъ Самарканда и Карши, не усумнившись, что они выработываютъ очень мало, иная тольварь!) Ыль би мясо не одиць только разъ въ годъ, какъ теперь, и завелъ бы себѣ хотя вторую смѣну нижняго бѣлья. Отъ кишлака Шугнобъ мы поднялись полверсты на востокъ, по берегу истока Яхъ-су, которая, довернувъ подъ прямымъ угломъ на югъ, принимаетъ здѣсь въ лѣвый берегъ значительную вѣтвь Тальборъ оби, вытекающую, какъ и Шугнобъ, изъ хребта, составляющаго водораздѣлъ рр. Яхъ-су и Хингобъ и отдѣляющаго дарвазскую провинцію Худясъ отъ болджуанскаго бекства. Чѣмъ болѣе приближаемся къ замыкающему напъ путь на югъ перевалу Полизакъ въ 12,800 ф., тѣмъ труднѣе становится подъемъ на первой $\frac{1}{3}$ дороги по мягкому, щебнистому грунту, а далѣе по задежамъ снѣга, который окончательно сходитъ, говорятъ, въ концѣ іюня, теперь же (20 мая) скрывается своей толщей норы бурныхъ сурковъ (сугуртъ), доставляющихъ мѣстному населенію охоту на нихъ съ собаками и капкавами. Южный склонъ перевала Полизакъ богаче сѣвернаго древесной растительностью березы (беруджъ), клена, арчи, орѣха, тополя, дикой яблони и кустарниковъ, обильнѣе залежью снѣга, питающаго рѣчку Полизакъ, вливающуюся при селеніи Таблъ-дора въ р. Хингобъ. Спускъ по рѣкѣ Полизакъ въ Худясъ, хотя довольно крутой, достаточно удобенъ мягкостью тропинки и отсутствіемъ частыхъ переходовъ въ бродъ, которые такъ затруднительны и опасны въ горахъ вслѣдствіе быстроты теченія рѣчекъ и массы камня отъ обрывовъ скалъ, загромаждающаго русло. Для горца, впрочемъ, всякая дорога хороша. И верхомъ на своихъ маленькихъ, цѣпкихъ, неподкованныхъ копытахъ, и пѣшкомъ въ чорикахъ безъ каблуковъ, на тонкой подошвѣ, съ палкой за спиною, горецъ съ одинаковою ловкостью и неустранимостью пробирается по возимымъ тропинкамъ, надъ пропастью, по льдамъ и снѣгамъ величайшихъ горныхъ хребтовъ. Но жители долины, какъ и ихъ лошади, понавъ въ горы верхомъ хотя бы Зеравшана, долго испытываютъ борьбу съ головокруженіемъ и сильнымъ ощущеніемъ полной опасности на каждомъ шагѣ такого путешествія — прохожденія по карнизамъ и щебнистымъ осыпямъ (ривъ) надъ рѣкою, съ берегомъ въ 10—30 сажень высоты. Таблъ-дора—селеніе въ 40 домовъ, съ небольшою глиняной крѣпостью, резиденціей правителя провинціи Худясъ, расположено на берегу Хингоба, ширина котораго здѣсь около 30 сажень, у подошвы грандіознаго столовиднаго пика въ 16,500 футовъ. Я предложилъ бы назвать эту вершину никъ “Абрамовъ”, въ честь извѣстнаго завоевателя въ средней Азии и администратора, военнаго губернатора Ферганы, генерала А. К. Абрамова. Какъ и у всѣхъ кишлаковъ Дарваза, тишь построекъ Таблъ-дора не отличается ничѣмъ отъ другихъ горныхъ поселковъ. Единственная особенность селенія Худяса — сравнительная зажиточность туземцевъ, позволяющая имъ, при достаткѣ строеваго лѣса, держать зимою скотъ въ отдѣльныхъ скотникахъ (огуль-хома), а лѣтомъ—во дворахъ, огороженныхъ плетнями, для которыхъ служить здѣсь талъ и обильно распускающая по берегу Хингоба плакучая ива. Изъ долины Хингоба въ долину Панджа и южный Дарвазъ путь въ 50 верстъ идетъ черезъ водораздѣльный хребетъ Рубатъ, съ снѣжнымъ переваломъ Регокъ, вы-

пускающимъ на сѣверо-востокъ р. Хорсонгъ, а на юго-востокъ р. Сагрыдаштъ, проходящую небольшое горное плато того же имени, съ шестью селеніями у подошвы перевала Рубатъ, на высотѣ 10,000 футовъ. Отъ Таблъдора до Согрыдашта подъемъ въ 12 верстъ и спускъ около 10 верстъ довольно затрудняются крутизнами оголенныхъ горъ съ снѣжными вершинами и съ частыми переправами въ бродъ быстрыхъ рѣчекъ, берега которыхъ посвятъ слѣды значительныхъ когда-то, давнихъ работъ золотопромыванія. Еще труднѣе тридцативерстный путь изъ Согрыдашта въ Калои-Хумъ, первые пять верстъ черезъ переваль Рубатъ и затѣмъ 25 верстъ узкимъ скалистымъ ущельемъ по берегу бьющей оглушительными каскадами рѣки Хумгау, вливающейся въ правый берегъ Панджа въ самомъ Калои-Хумѣ, которому предшествуютъ 10—12 другихъ поселковъ южнаго Дарваза, живописно расположенныхъ въ этомъ дикомъ ущельи и охваченныхъ зеленою искусственныхъ садовъ, чрезъ которую картинно проглядываютъ смазанныя бѣлой глиной сакли горцевъ. Утомившись до нельзя эквилибристкой коннаго и пѣшаго хожденія въ этомъ узкомъ ущельи съ коридорами снѣжныхъ глыбъ, съ оглушительной рѣкой Хингау, которую часто переходить въ бродъ и по качающимся мостикамъ, мы въѣхали, наконецъ, въ Калои-Хумъ, подъ звуки музыки парадирующаго бухарскаго баталіона сарбазовъ. Гостеприимный, распорядительный бекъ Мурадъ-бій и говорливый командиръ баталіона, генералъ Абдыкадыръ-дагъта, проѣхавъ съ нами единственную ялицу этой горной столицы Дарваза, любезно предложили намъ расположиться въ роскошномъ, обширномъ бековскомъ саду съ обильной тѣнью абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, съ верандами виноградной лозы, укрывающей здѣсь массы соловьевъ, пѣніе которыхъ—единственная услада для заброшенныхъ сюда служилыхъ бухарцевъ. Калои-хумъ, съ небольшою цитаделью, расположенъ на самомъ берегу р. Панджъ, ширина которой здѣсь не болѣе двадцати сажень, а теченіе довольно ровное. Сама мѣстность Калои-хумъ, съ пятью ближайшими селеніями на западъ, представляетъ колдовину, замкнутую со всѣхъ сторонъ нависшими массивными обнаженными горами, усиливающими лѣтній душливый зной и умѣряющими зимній холодъ, задерживая токъ вѣтра. Благодаря заботливости бека, записавъ нужныя свѣдѣнія по разспросу людей, собранныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей долины Панджъ, мы, послѣ трехдневнаго отдыха, двинулись обратно тѣмъ же путемъ по Хингау, чрезъ Сагрыдаштъ и Таблъ-дора, въ Каратегинъ. Изъ Сагрыдашта мы взяли путь не чрезъ знакомый переваль Регокъ, а болѣе легкій, по берегу Хингоба, принимающаго здѣсь слѣва р. Сафидъ-Сагъ. Послѣ цючлега въ Таблъ-дора, перейдя по солидному деревянному мосту на правый берегъ Хингоба, мы шли въ виду этой значительной рѣки до селенія Чиль-дора при впаденіи въ Хингобъ рѣки Шокау, вытекающей изъ хребта Каратегинъ-тау. Изъ Чиль-дора, почти крайней осядлости Худяса, сорокаверстный путь въ Гармъ, столицу Каратегина, ведетъ по берегу Шакау, чрезъ густыя древесныя и кустарниковыя рощи, на переваль Шахъ-кандоги въ 12,000 футовъ. Весь путь довольно трудный, съ крупными уступами и скалистыми обнаженіями, на которыхъ устроены въ опасныхъ мѣстахъ карнизы (посхолтой) и помосты изъ арчи и хвороста. За то сѣверный склонъ перевала, хотя и загражденъ снѣгомъ, но достаточно пологій, съ мягкимъ черноземомъ, всюду распаханнымъ земледѣльцами ближайшихъ къ нему осядлостей долины Сурхъ-оба, въ которую мы спустились 30 мая. Путь изъ Гарма чрезъ нижній Каратегинъ и Хисаръ мы не станемъ описывать здѣсь, такъ какъ онъ достаточно извѣстенъ изъ отчетовъ путешественниковъ нашихъ.

Самаркандъ.

Г. Арендаренко.

*) Тольварь—самый верхній кишлакъ на р. Яхъ-су.

ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

(Воспѣвающей Владивостокъ).

(Продолженіе).

Я остано­вился въ прошломъ разска­зѣ на томъ, какъ Владивостокъ пригото­влялся къ войнѣ. Для того, чтобы еще болѣе сдѣлать его похожимъ на городъ въ военное время, въ немъ появились убитые и раненые. Стрѣляли изъ крупнѣйшихъ орудій. Одну изъ бомбъ не розорвало. Отправили солдата за бомбой. Онъ сталъ ее разряжать; раздался взрывъ: ему оторвало руки и ноги; другого солдата, сидѣвшаго гдѣ-то неподалеку, убило, а третьяго ранило. Раненыхъ и убитаго перенесли въ мор­ской госпиталь. Я сидѣлъ въ то время у знакомыхъ, не­далеко отъ госпиталя.

— Нашихъ артиллеристовъ переранило, ступайте поскорѣе! сказалъ мнѣ артиллерійскій офицеръ.

Я пошелъ въ госпиталь. Проходя мимо мертвецкой, я увидалъ лежащій тамъ трупъ. Я зналъ убитаго: совсѣмъ еще молодой солдатъ, почти мальчикъ. Давно-ли онъ былъ живъ, рас­сказывалъ по Годобину, отпуская остро­ты, а теперь ле­жить въ мрачной мертвецкой, на черномъ столѣ! Ситцевая рубаха разорвана спереди; небольшая ранка неправильной формы видна на груди.

— Нановаль убило осколкомъ, ваше высокоблагородіе! крикнулъ мнѣ вслѣдъ одинъ изъ принесшихъ убитаго.

Когда я пришелъ въ палату, и увидалъ тамъ другого артил­лериста: одна нога была оторвана выше колѣна, ступня дру­гой ноги вмѣстѣ съ сапогомъ болтались на обрывкѣ муску­ловъ, руки были также оторваны и изъ зияющихъ ранъ тор­чали бѣлыя сухожилия. Раненый стоналъ и жаловался на боль въ животѣ; все время онъ былъ въ сознаніи и твердо давалъ показанія объ обстоятельствахъ дѣла. Въ госпитальъ жилъ онъ еще болѣе часу.

— Что же съ нимъ дѣлать? Ампутировать ли ему конеч­ности? совѣтывались доктора.

— Дадимъ ему лучше умереть спокойно, все равно не выдержишь, у него внутренности контужены. Что его пона­прасну мучить, рѣшили потомъ.

Раненый сталъ отходить: дыханіе сдѣлалось глубже и ко­роче. Наконецъ, жизнь погасла.

— Этакое удивительное дѣло!—какъ можно бомбу прямо разряжать безъ предварительной двухдѣльной вымочки въ водѣ. Кто же его зналъ, что онъ такую штуку удереть, разсуждали артиллеристы.

— Винавъ тотъ, кто посылаетъ непонимающихъ людей подбирать бомбы, сказалъ одинъ изъ докторовъ.

Третій солдатъ остался въ живыхъ: осколокъ бомбы при­шелся ему какъ-то вскользь по спинѣ.

Владивостокскимъ дамамъ приготовленіе къ войнѣ доста­вило тоже немало развлеченій. Многія изъ нихъ хотѣли идти въ сестры милосердія, устроить у себя въ домахъ отдѣленія лазарета Краснаго креста и вывѣсить надъ домами флаги съ краснымъ крестомъ. Каждая дама мечтала такимъ обра­зомъ охранить свой домъ отъ всеобщаго разрушенія. Не­смотря на то, что въ сестры милосердія записалось много дамъ, ни одна изъ нихъ ни разу не пришла полюбопытство­вать въ госпиталь. Въ пользу Краснаго креста устраивались лотереи-алле­грии, концерты и гулянья.

Только извѣстная воспитательница юности во Влади­востокѣ сохраняла спокойствіе и одобряла всѣхъ: „не бу­детъ войны, по картамъ выходитъ, что не будетъ. Все чер­воными разговорами *) кончится. Всѣмъ я гадала и всѣмъ вѣрно выходило. Вотъ, одному гадала, что возвратится во Владивостокъ и не хотѣлъ возвращаться, да воротился; дру­гому предсказывала: кто мѣсто хорошее получить — и получилъ; третьему...“ Но тутъ уже начинался цѣлый рядъ разсказовъ объ удачныхъ предсказаніяхъ. Многіе вѣрили этой дамѣ и приводили въ самый дѣлъ замѣчательныя предсказанія, сдѣ­ланныя ею.

— Пускай волтеріанцы доказываютъ... вѣномчался мнѣ Гоголь.

Этой почтенной воспитательницѣ, по ея словамъ, когда она была въ Петербургѣ, одинъ изъ извѣстныхъ адмира­ловъ сказалъ: „плюньте вы, сударыня, на Владивостокъ и на науку, оставайтесь въ Петербургѣ, отворите на Невскомъ контору предсказаній будущаго на картахъ. Дураковъ у насъ непочагой уголь. Деньги какія сдѣлаютъ!“

Осмотрѣть, какъ помѣщены войска, пріѣхалъ изъ Иркутска одинъ изъ врачей, П—нъ. День, въ которой онъ пріѣхалъ, былъ очень жаркій. Въ земляныхъ баракахъ, въ которыхъ стоялъ баталіонъ, было очень прохладно.

— Славно здѣсь! Квасу бы испить! замѣтилъ П.

Онъ щеголялъ всегда своей простотой. Это сибиряками ставилось ему въ заслугу. „Хорошій онъ у насъ человѣкъ, — ахъ, какъ просто!“ говорили про него. Про эту простоту хо­дить по Восточной Сибири безчисленное множество анекдотовъ.

П. выпилъ квасу и пемного освѣжилея.

— Жить въ баракахъ недурно, сказалъ онъ.

— Да, здѣсь хорошо, отгѣчаетъ мѣстный врачъ.

— Такъ вы тамъ, тово... зимой-то печечки сварганить надо.

Вы покажите, гдѣ. Оконца еще надо продѣлать. Проживуть!— вентиляціи превосходная.

— Провосходная, ваше—ство!

— А не прикажете ли закусить, не пройдемъ ли мы въ офицерскую столовую? предложили начальству.

— Можно!

Закусили и пообѣдали.

— Не сыграемъ ли мы въ „генеральчика“? предложилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Что же золотое-то время терять!

Составилась партія.

— Что вы дѣлаете? говорятъ въ полко­веса, благоразум­ные люди моему собрату по наукѣ:—онъ вѣдь донесетъ, что все обстоитъ благополучно, и солдаты останутся мерзнуть здѣсь на зиму.

— Ничего, вспомните Плевну! Въ такихъ ли еще усло­віяхъ стоялъ нашъ русскій солдатъ!

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Какое-то чувство гадливо­сти охватило меня. Я выжидалъ удобной минуты, чтобы вы­сказаться.

„Черви, пастъ, безъ козырей“, раздавалось на другомъ столѣ.

Въ батарею, гдѣ я былъ врачомъ, такъ и не ходили. На­прасно прождали санитары, обученные мной, напрасно прож­далъ фельдшеръ, не снимавшій съ себя панца. Санитарамъ

*) Предсказаніе почтенной дамы буквально исполнилось: разница между сирочеными и дѣйствительными цѣнами на всѣ продукты и материалы оказалась, дѣйствительно, червоного свойства.

было очень обидно: они знали свои обязанности, хотя и называли себя, как я их ни поправлялъ, „сенаторами“, а вмѣсто артерій постоянно говорили „антиры“.

Въ „генерала“ проиграли до поздней ночи. Началась гроза, дождь лилъ, какъ изъ ведра.

„Неужели же не пойдутъ, думалъ я, и не полюбуются, что теперь дѣлается въ этихъ земляныхъ баракахъ?“

Публика была слишкомъ занята картами. Я прошелъ въ бараки. Тамъ былъ чистый потокъ: дергъ размыло, потоки грязной воды текли на солдатъ, сбившихся въ кучу и прикрывшихся шинелями и брезентами. Когда я воротился назадъ, нашъ дорогой гость уже уѣзжалъ.

— Экой грѣхъ! говорилъ онъ: — собачку-то я на квартирѣ оставилъ. Она тамъ накаверзить, а то бы я подольше остался.

— Какая жалость, ваше—ство!

— Да, вотъ что, сказалъ онъ, обращаюсь къ одному изъ партнеровъ:—пики у меня—вызовъ на красную масть, а вы говорите: безъ козырей; ну, и остались безъ двухъ, а партія была бы наша. Чуть робера изъ-за этого не проиграли.

Къ утру П—нъ уже уѣхалъ, обревизовавъ санитарную часть: „что попусту здѣсь проѣдаться“.

— Какой счастливый! завидовали многіе у насъ:—сколько отъ Иркутска до Владивостока и обратно прогоновъ по генеральскому чину получилъ.

Выходило, дѣйствительно, очень много!

Только благодаря комисіи изъ не-медиковъ, солдаты баталіона не остались мерзнуть въ земляныхъ баракахъ.

Къ концу лѣта выяснилось, что войны не будетъ, и нашу батарею перевезли моремъ изъ Владивостока въ урочище Новокіевское.

Петръ Прохоровъ.

СЧАСТЛИВЫЙ СОНЪ.

Я видѣлъ сонъ: мнѣ снился чудный край,
Манившій глазъ богатствомъ и просторомъ.
Страна цвѣла, какъ первобатный рай;
Предъ очарованнымъ кинѣла взоромъ
Повсюду жизнь. Казалось, что враждѣ
Здѣсь мѣста нѣтъ: встрѣчались мнѣ вездѣ
Радужныя улыбки, и при этомъ
Уста звучали искреннимъ привѣтомъ.

Громады горъ тѣснились вдали;
Ихъ снѣжныя, причудливыя цѣпи
Шли въ облака; съ хребтовъ, шума, текли
Потоки водъ на бархатныя степи.

Вершинами дремучіе лѣса
Тянулись тоже гордо въ небеса.
Долины рѣкъ, покрытыя цвѣтами,
Легли ковромъ узорчатыхъ мѣстами.

И тутъ, и тамъ нестрѣли города;
Ихъ фабрики, заводы и строения
Разили глазъ энергіей труда.
Межъ городовъ ютились селенья,
И пашенъ ихъ роскошный черноземъ
Распространялъ душистый паръ кругомъ;
Бродилъ вездѣ огромными стадами
Домашній скотъ, упитанный кормами.

Я обомлѣлъ... Но лучше во сто кратъ
И этихъ мѣстъ, и этой всей природы
Былъ самъ народъ. Казалось, весь объять
Могучимъ онъ сознаниемъ свободы;
Казалось, въ немъ, чрезъ многіе года
Тяжелыхъ мукъ, упорнаго труда,
Созрѣла мысль, что высшее богатство
Свободныхъ душъ—ихъ равенство и братство.

Да! братство здѣсь и равенство цвѣли:
Здѣсь юноша внималъ великодушно
Сѣдымъ мужамъ, а старцы эти шли
За молодымъ движеніемъ послушно.
Такихъ, какъ здѣсь, цвѣтущихъ матерей
Я не встрѣчалъ нигдѣ; забавы ихъ дѣтей
Неволью слухъ весельемъ чаровали.
Красавицъ рой не вѣдалъ здѣсь печали.

И, наконецъ, спросить рѣшился я,
Войдя въ толпу радушнаго народа:
— Скажите мнѣ, какая здѣсь земля?
И почему такая здѣсь свобода?
— „У насъ Сибирь“, отвѣтилъ мнѣ одинъ.
Другой сказалъ:— „Народъ нашъ—ссылки сынъ,
Онъ долго несъ изгнанья иго злое,
Чтобъ не цѣнить страданіе людское,

„И дальъ обѣтъ несчастіе любить;
Не шель къ нему онъ съ холодомъ презрѣнья,
Но въ тѣмъ души погибшей заронить
Старался лучъ отраднѣ примиренья,—
И тайна вся свободы нашей въ томъ,
Что видимъ мы родного и въ чужомъ.
Живи у насъ, коль край нашъ приглянулся...“
Я задрожалъ отъ счастья—и проснулся.

Омулевскій.

НА ЧУЖБИНАХЪ.

(Изъ исповѣди абсентеиста).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

И я, заплакавши, назадъ
Поѣхавъ снова на чужину.
Шевченко.

Съ особеннымъ чувствомъ загадочной грусти я смотрю каждый учебный семестръ на молодыхъ сибиряковъ, по окончаніи курса возвращающихся служить на родину. И благославить ихъ хочется, и жутко за нихъ. Что-то ждетъ ихъ тамъ, что-то имъ дастъ эта родина?.. Но еще больше сжимается мое сердце, когда я вижу молодого человѣка, бѣгущаго съ родины, искалеченнаго, измученнаго въ неравной борьбѣ и смотрящаго на меня съ укоромъ. „Ты призывалъ насъ, ты рисовалъ намъ родину цвѣтущей и обольстительной“, говорить этотъ укоризненный взглядъ: „смотри же—вотъ израненная грудь, а вотъ и разбитое сердце!“

Я не говорю о тѣхъ благозарумно-равнодушныхъ, которые не знали никакихъ чувствъ къ родинѣ, не переживали никакой драмы и, прикрываясь тѣми или другими мотивами, оставались, гдѣ имъ нравилось. Это былъ „отрѣзанный ломоть“ отъ насъ. Но драма любви такъ знакома моему сердцу, и я самъ переживалъ ее. Вотъ что когда-то писалось въ моемъ дневникѣ.

Нѣтъ!.. Тяжело, тѣсно, душно, невыносимо и, главное, нѣтъ и не видно разсвѣта. Тяжело такъ, что можно умереть. Дѣло бы за этимъ не стало. Но является вопросъ: умереть среди людей, которые не поймутъ твоей смерти, которымъ все равно, живешь ли ты среди нихъ, или нѣтъ, умереть тамъ, гдѣ все манило тебя съ ранняго дѣтства, гдѣ, казалось, такъ много дорогого и гдѣ теперь—предъ внутренними очами—ничего, кромѣ мрака, холода, застою и плѣсени жизни, ничего, кромѣ ликующаго эгоизма и хищничества, захватывающаго себя будущее!.. Умереть и уничтожиться безъ слѣда, безъ всякой памяти, не заложивъ зерна въ области нравственно-духовнаго существованія не только въ человѣчествѣ, но и въ собственномъ своемъ кругу, умереть безъ сознанія цѣли своего существованія, когда мечтою жизни было принести хоть долю блага и счастья, сознавъ, что ты остаешься непонятымъ, лишнимъ и чуждымъ въ своей родной семьѣ... да можетъ ли быть чтонибудь тяжелѣе?!.. Нѣтъ! лучше на чужбину, подъ чужое небо, въ чужую среду, туда, гдѣ не поймутъ твоего горя, не замѣтятъ мучительныхъ взвровъ, горени обманутыхъ надеждъ, и гдѣ все будетъ скрыто подъ грустной улыбкой и маской добровольнаго изгнанничества!

Такъ записано на послѣдней страницѣ дневника, а затѣмъ стояло: переправа черезъ Обь, Иртышъ, послѣдній обозъ, послѣдняя сибирская деревня, Уралъ, прощанье съ памятникомъ, отдѣляющимъ Азію отъ Европы, послѣдняя кинутія „слеза и роза“.

Такъ я уѣхалъ, или, скорѣе, бѣжалъ изъ Сибири—и бѣжалъ не впервые. Сколько разъ я закаивался возвращаться сюда, закаивался возвращаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ хоть малѣйшее существованіе здѣсь человѣка въ настоящемъ, а не фиктивномъ смыслѣ, пока создастся хоть

какаянибудь нравственная атмосфера. Зачѣмъ? Къ чему это возвращеніе? говорилъ я себя, и силился вырвать изъ груди своей эту старую привязанность, эту жгучую, большую тоску. Однако, какъ и ни боролся съ собой, какъ хорошо ни сознавалъ, что изъ нашей встрѣчи ничего не выйдетъ, кромѣ рокового недоразумѣнія, комическаго столкновенія и празднаго зрѣлища для равнодушнаго общества, сколько я ни раздумывалъ, что послѣ многихъ мытарствъ я встрѣчу, вмѣсто родственныхъ объятій, знакомый крикъ: „ату его!“—тѣмъ не менѣе, по какому-то сумасшедшему соображенію, я все-таки возвращался, возвращался совершенно безсознательно, чтобы еще разъ убѣдиться, что все идетъ по старому.

Я тащился то съ прикащиками, то съ обозными, иногда безъ гроша въ карманѣ, полубольной и разбитый, намыкавшійся вдоволь на чужой сторонѣ; мое страданіе составило рѣзкій контрастъ съ счастливыми „двухпрогонными“, скакавшими на мою родину и оглашавшими своими воинственными кликами поля и дебри. Я вторилъ ихъ радости, хотя она и происходила изъ другого источника. Они скакали съ надеждой скорѣе возвратиться, а я съ одною мечтою только—похоронить себя здѣсь. Они стремились обозрѣть на быстрыхъ тройкахъ, à vol d'oiseaux, эту заколдованную страну отъ края и до края, такъ-сказать, обнажить предъ собою все ея красоты, пресатиться и исчезнуть, а же мечталъ „хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нее“. Поэтому, я относился съ особымъ чувствомъ къ каждой встрѣчѣ. Первый сибирскій ямщикъ, первая деревня, бабушка съ пряженниками, первый родной цвѣтокъ, широкая Обь,—все это производило трепетное ощущеніе въ моей душѣ. Добравшись до родного города, я бродилъ, какъ очумѣлый, встрѣчалъ знакомыя зданія и знакомыя, старыя лица. И все это, въ первые дни, какъ-то добродушно улыбалось, даже частный приставъ, который, при встрѣчѣ, наминалъ мнѣ старые грѣхи, грозя шутиливо пальцемъ и приговаривая:

— Не утерпѣлъ, продернулъ меня!

Даже и старый Кондратъ, въ эти дни родной встрѣчи, терялъ какъ-будто свой разбойный видъ, какъ и сонмъ его есауловъ-прикащиковъ, сверкавшихъ смертоносно своими аршинами въ темной львиной нещери, съ которою я сравнивалъ его лавку, гдѣ у входа всегда толпились покорныя жертвы его—покупатели. И я весело толкалъ Кондрата въ брюхо, говоря: „ну, что, Кондратъ, все обраешь народъ?“—на что онъ отвѣчалъ, снисходительно улыбаясь:

— Ничего, грабимъ-таки, сударь, понемногу!

Когда проходили первыя минуты встрѣчъ, я погружался въ свои воспоминанія—воспоминанія ранняго дѣтства. Тогда я шелъ къ старому дому, разросшемуся саду, къ знакомому ключу, взбирался на гору, смотрѣлъ въ даль на знакомую панораму и, наконецъ, ложился въ большую свѣжую траву, окруженный родными желтыми лиліями. Здѣсь я росъ, здѣсь получились первыя мои впечатлѣнія, здѣсь я мечталъ жить, а теперь здѣсь же я намѣчалъ себя могилу. Мнѣ ничего болѣе не нужно было.

Время, между тѣмъ, шло, я не умиралъ; свиданіе съ ро-

диной придавало мнѣ силы и поддерживало мое физическое существованіе; я былъ вполне доволенъ роднымъ воздухомъ... По чѣмъ долѣе я жилъ, тѣмъ болѣе начиналъ чувствовать, что нравственное мое существованіе становилось невыносимо. Тягло жило, но духъ начиналъ мертвѣть. При видимомъ родствѣ природы, я чувствовалъ какую-то бездну, раздѣляющую меня съ окружающимъ обществомъ. Я чувствовалъ недостатокъ нравственной атмосферы, необходимой для личности, когда-то хоть разъ подышавшей чистымъ воздухомъ, я чувствовалъ влеченіе къ свѣту европейскаго міра, къ солнечному лучу мірового тепла... И эта тоска, эта нравственная асфикція до того сжимала грудь, что меня уже не удовлетворили болѣе ни родной воздухъ, ни родная ширь. Я бродилъ, какъ тѣнь, среди родственныхъ, знакомыхъ лицъ, но мы не пожимали другъ друга, мы разговаривали какъ будто на разныхъ языкахъ, мало того—даже въ самыхъ ощущеніяхъ и вкусахъ мы не имѣли ничего общаго. Я чувствовалъ, что все кругомъ меня начинало рычать при моемъ приближеніи, и дѣло разыгрывалось всегда какимъ нибудь крайнимъ недоразумѣніемъ. Тогда приходилось исчезать изъ родного міра.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое я былъ для этого общества, гдѣ навли себя мѣсто и мелочные торговцы, и прасолы, и ростовщики, гдѣ уже возведены каменные палаты буржуазіи, гдѣ есть потребность въ роскошной мебели и музыкѣ, но нѣтъ потребности въ духовной жизни.

Странно, что какъ я ни припроравлился къ мѣстной жизни, какъ ни усилился примириться съ нею на условіяхъ принести хотя маленькую долю пользы, какъ ни ужьрять свои требованія,—мнѣ никогда это не удавалось. И чѣмъ болѣе я себя сдерживалъ, чѣмъ болѣе старался припроровиться, тѣмъ ярче и неожиданныѣ выходили разрывъ и недоумѣніе. Въ концѣ концовъ, у насъ получалось чуть не озлобленіе.

Я не буду пересчитывать эти коллизіи. Я на нихъ смотрѣлъ въ первое время, какъ на романтическое занятіе своей жизни, нелишенное разнообразныхъ приключеній. Сколько разъ являлся я съ своимъ демономъ-мучителемъ, въ видѣ переряженнаго Фауста, къ своей Маргаритѣ, которую изображала моя родина, вырывалъ у нея секунду свиданія, и, однако, никогда и не пользовался продолжительнымъ счастьемъ; но мой жребій отличался отъ жребія Фауста тѣмъ, что я не оставилъ въ тюрьмѣ мою возлюбленную, а готовилъ только себя мрачное существованіе... Исторія этихъ приключеній разнообразна, и я не буду ихъ передавать здѣсь.

Скажу только одно: сколько я ни увѣрялъ мѣстнаго Кондрата, что я къ нему всею душою,—онъ не вѣрилъ мнѣ и всегда оставался убѣжденнымъ, что не покупатель и считаю въ долгу у него, а его самого въ долгу у покупателя, хотя и ни однимъ словомъ не намекалъ на это. Точно также, я, къ своему прискорбію, не могъ снискать расположенія у покойнаго друга моего Сережи Сандараква и у отставнаго штабсъ-капитана Портянки, осуществлявшаго въ Сибири реформу дачекъ и подметокъ, и обновленія края увеличеніемъ пайка мѣстнымъ „бутарямъ“; послѣдній, къ тому же, олицетворялъ покровителя „чумазому“. Все подозрѣвали во мнѣ что-то недоброе. Я почему-то изображалъ для нихъ упреки совѣсти и мѣстный критическій взглядъ. Понятно, что этой совѣсти жилое не весело. Всякій изъ обывателей порывилъ куда-нибудь спрятать ее, когда наши отношенія обостривались, и понятно, что мнѣ уже ничего не оставалось дѣлать среди такого пріятнаго

общества. Вопросъ о моемъ существованіи былъ рѣшенъ: „изжечь“ и „уничтожить“. Я чувствъ, что въ воздухѣ носилось „ату!“ а впереди угрожало только „въ зубы“, и затѣмъ предвидѣлась ужасная, чудовищная порка! Тогда для меня наступалъ критическій моментъ: „покориться и примириться, или же бѣжать?“ Покориться... по что же это значитъ? Пойти въ стачку и съ Кондратомъ, и съ Сандараквымъ, и съ Портянкой? Чѣмъ же станеть тогда, однако, мое нравственное существованіе? чѣмъ это лучше смерти? Бороться съ ними?.. Но они заняли позицію и составляютъ главную силу. Развѣ возможна борьба тамъ, гдѣ легко быть безапелляціонно сѣдненнымъ подобно осетриѣ или балыку—не болѣе. Я видѣлъ ростъ нашей родины, но это былъ гигантскій ростъ буржуазіи. Я зналъ, что она можетъ создать дворцы, бани, систерны, водопроводы, и обойтись безъ литераторовъ. Что же оставалось? Бѣжать. Но вѣдь это значитъ навсегда не видать родины, лишиться послѣдней надежды, послѣдняго счастья.

Было время, когда я удалялся постоянно съ надеждою на возвращеніе, легко продѣлывая исчезновеніе и новое прибытіе. Весело кивалъ я землякамъ, возвращаясь то за повозкой хищника, то за колесницей триумфатора.

Но проходили года, и эти скитанья, эта вѣчная смѣна чувствъ утомили, измучили меня. Я вижу, что силы мои ослабѣваютъ, чувствую, что скоро наступитъ роковая развязка, когда придется проститься серьезно, — и шутовская улыбка исчезаетъ съ моего лица.

Волнуемый различными чувствами болѣе, чѣмъ когда-либо, я сознавалъ себя почти несостоятельнымъ высказаться. Предомной стояла какъ-бы возлюбленная моей жизни. Всю жизнь я слѣдилъ за нею, всю жизнь я кидалъ ей цвѣты, всю жизнь посылая горячіе поцѣлуи, не забывая, чтобы знали имя поклонника, не требуя награды. И какое ей дѣло до моей любви—ей, у которой вѣчно ослѣвлены глаза? Она разстанется со мною равнодушно, такъ къ чему же объясненія и лишніе слова? Выражать чувства?!.. по меня ничто не обязывало къ этому: ни гордость преданной души, ни отверженная любовь, отдававшая ей въ самыя лучшія минуты моей жизни... Это былъ слишкомъ тяжелый моментъ, чтобы снисходить до жалкихъ словъ. И я не рыдалъ, не безумствовалъ подобно влюбленному, отверженному юношѣ. Разставаясь съ тобою, я только сказалъ короткое, односложное „прощай!“ Я сказалъ это, не догадываясь, „надолго-ли?“, не пророчествуя, что можетъ быть, „навсегда!“ Ты не поймешь этого! Но если бы ты, гордая царица, захотѣла взглянуть въ эту минуту въ глаза мои, ты прочла бы всю истому моего гора, всю глубину изстрадавшейся, надломленной души, отходящей въ вѣчность. Полный равнодушія къ себѣ и жизни, въ послѣднюю минуту разлуки я отвернулся, чтобы скрыть волненіе...

Но въ душѣ звучало: дорога, безцѣнная, возлюбленная,—прощай!

Добродушный Сибирякъ.

Ново-Сиверская станція.

ХРОНИКА ЖИЗНИ З.А. МЕДВЕЖЬЮ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОСТИ.

— Во Франціи, въ началѣ августа, будутъ происходить въ различныхъ департаментахъ выборы генеральныхъ совѣтниковъ, т. е. членовъ департаментскихъ собраний. Хотя собранія эти обнимаютъ свою дѣятельностью хозяйственные интересы страны, но тѣмъ не менѣе партійныя вліянія и тамъ сказываются въ значительной дозѣ. Въ послѣднее время монархическія партіи, не пользовавшіяся сочувствіемъ въ большихъ городахъ и стѣсненныя правительствомъ, разсылались въ захолустные уголки Франціи и въ массѣ народной пропагандируютъ реакцію въ пользу монархіи, употребляя все усилии, чтобы подорвать довѣріе къ республиканскому правительству. При наступающихъ выборахъ въ генеральные совѣты, монархисты, агитируютъ въ пользу лицъ одного съ ними убѣжденія. Они истолковываютъ народу все дѣйствіе правительства въ превратномъ видѣ и угрожаютъ войною съ Англіею, болѣзнь графа Шамбора приписываютъ отравленію его врагами отечества, религіи, всего святаго и честнаго, словомъ — „богопротивнымъ республиканцамъ“. Подобнаго рода клеветы и инсинуаціи доказываютъ, что враги существующаго порядка во Франціи не дремлютъ. Орлеанисты требуютъ, чтобы графъ Парижскій, въ случаѣ кончины графа Шамбора, отправился въ Англію и дѣйствовалъ оттуда въ качествѣ претендента на французскій престолъ, тогда какъ остальные принцы орлеанскіе должны оставаться во Франціи, для оказанія ему содѣйствія внутри страны. Въ палатѣ депутатовъ военный министръ и министръ общественныхъ работъ доказывали, что заключенныя съ желѣзнодорожными компаниями конвенціи, отвѣчаютъ всемъ потребностямъ національной обороны, и что шести часовъ достаточно для того, чтобы было приготовлено нѣсколько военныхъ повозокъ, достаточныхъ для всякой случайности. Изъ Тонкина получено извѣстіе, что тамъ начался обычный сезонъ тропическихъ дождей, размывающихъ почву, вслѣдствіе чего военные дѣйствія не могутъ быть начаты ранѣе октября. Виновики безпорядковъ въ Кубѣ приговорены лонскимъ судомъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ и только одинъ, изранившій полицейскаго, присужденъ на годъ. Во время засѣданія суда ошло получено письмо угрожающаго характера.

— Въ Англіи, агитация въ коммерческихъ и финансовыхъ сферахъ противъ проекта соглашенія съ Лессенсомъ повліяла на министерство въ такой степени, что Гладстонъ, опасаясь порицанія парламента, взялъ представленный имъ проектъ обратно. Онъ выражалъ, что дѣйствуетъ такимъ образомъ, имѣя въ виду дать членамъ обдумать и указать правительству новыя мѣры къ достиженію соглашенія съ Лессенсомъ. Черезъ британскаго посла, лорда Лейонса, дано знаніе французскому правительству, что кабинетъ употребитъ все старанія, чтобы уладить дѣло. Англійская печать требуетъ устройства исключительно англійскаго канала, который конкурировалъ бы съ существующимъ Суэцкимъ.

— Холерная эпидемія въ Египтѣ унесла 3,131 жертву. По словамъ корреспондентовъ, эпидемія есть продуктъ безпечности жителей и небрежности мѣстныхъ властей къ санитарнымъ условіямъ. Изъ канала, снабжающаго Даміетту водою, вытасено недавно 400 труновъ животныхъ, падшихъ отъ чумы. Земля во многихъ мѣстахъ покрыта нечистотами, что при тропическихъ жарахъ неминуемо должно вызывать заразу. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и прошлогоднюю войну. Въ селеніяхъ, гдѣ вѣтъ докторовъ, на выздоровленіе заболѣвшихъ почти нѣтъ надежды. Англійскія войска находятся въ безопасности. Они помѣщены въ палаткахъ, въ пустыняхъ. Хедивъ, оставшійся въ Каирѣ и старающійся обоудить населеніе, опасается въ то же время, чтобы эпидемія не вызвала народнаго возмущенія, такъ какъ появленіе „великаго дѣла смерти“ часто вызываетъ взрывъ негодованія среди туземцевъ на правительство.

— На островѣ Искія было сильное землетрясеніе, разрушено множество зданій и подъ ними погребено много людей. Изъ Неаполя отправлены пароходы и войска для перевозки раненныхъ. Число умершихъ еще не опредѣлено.

— Въ 1683 году, какъ извѣстно, турецкія полчища подступили къ Вѣнѣ, и столицѣ австрійской имперіи угрожала опасность. Защитники ея изнемогали. Но въ самый критическій моментъ, вѣмцы, чехи, поляки, тирольцы, итальянцы и др., забывъ племенную рознь, дружно ударили на врага и освободили отъ него Австрію. День освобожденія столицы габсбургской монархіи отъ турокъ праздновался 12 сентября ежегодно. На этотъ разъ годовщина событія совпала съ двухсотлѣтнею давностью, и австрійцы, особенно вѣмцы, пожелали отпраздновать ее торжественно, но, къ величайшему изумленію, городской вѣнскій совѣтъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе относительно празднованія, ссылаясь на то, во-первыхъ, что настоящее угнѣтеніе вѣмцкаго элемента въ странѣ не располагаетъ къ празднествамъ, а во-вторыхъ, что не стоить праздновать деш., честь и слова котораго не всецѣло принадлежитъ вѣмцамъ. Партійная борьба сказалась и тутъ, она даетъ себя чувствовать всездѣ: въ натянутыхъ отношеніяхъ между офицерами, чехами и вѣмцами, въ кулачной расправѣ въ кофейняхъ и на народныхъ гуляньяхъ. Австрійскія газеты, вѣмцкія, негодуютъ за вѣмцевъ, славянскія подтруниваютъ надъ вѣмцами, но тѣ и другія только разжигаютъ племенные страсти.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ „Русскомъ Курьерѣ“ помѣщенъ слѣдующій отвѣтъ „Новостямъ“: „Мы никакъ не можемъ согласиться съ точкою зрѣнія, усвоенною „Новостями“, и рѣшительно не понимаемъ, какъ можетъ политическая печать опредѣленнаго направленія не быть „въ оппозиціи“, когда правительство проводитъ въ жизнь противоположныя этому направленію взгляды. Тутъ представляется лишь такого рода дилемма: если газетамъ и журналамъ позволено проводить несогласныя съ правительственными убѣжденіями, то оппозиція въ печати существуетъ; если такого позволенія не полагается, то не существуетъ независимой печати. Въ Россіи, — худо ли, хорошо ли, — независимые органы печати не переводятся, этого не будутъ, конечно, отрицать и „Новости“; существуютъ, стало быть, и оппозиціонныя изданія. Что такое правительство? Очевидно, не верховная власть, а совокупность учреждений и лицъ, которымъ этою властью поручено управленіе государствомъ. Если не согласится съ нашимъ опредѣленіемъ, то придется утверждать такую нелѣзость, что съ выходомъ въ отставку министра, — одного или многихъ, — претерпѣваетъ измѣненія и верховная власть. Оппозиція правительству, слѣдовательно, есть оппозиція министрамъ, въ особенности, разумеется, самому страшному изъ нихъ для печати — министру внутреннихъ дѣлъ. Не изъясняя ни малѣйшихъ притязаній на непогрѣшимость, мы не можемъ признать этой непогрѣшимости и за министрами и поэтому настаиваемъ на правѣ каждаго русскаго челоѣка быть безнаказаннымъ въ оппозиціи правительству до тѣхъ поръ, покуда эта оппозиція не выходитъ изъ предѣловъ устнаго и печатнаго слова, не нарушаетъ точно и публично выраженнаго закона и держится въ предѣлахъ приличія.“

— „Новости“ перепечатали слѣдующую телеграмму, доставленную изъ Петербурга въ вѣнскія и берлинскія газеты: „Въ здѣшнихъ дипломатическихъ кружкахъ носится слухъ, что, вслѣдствіе сильной атаки шовинистовъ и реакціонеровъ, положеніе министра иностранныхъ дѣлъ, г. Гирса, считается поколебленнымъ. Его предупреждаютъ въ излишней уступчивости по отношенію къ австро-германскому союзу и, кромѣ того, въ томъ, что онъ не сумѣлъ воспрепятствовать заключенію

тройственного союза. Вышшія политика г. Гирса тормозит энергическое развитіе внутреннихъ условий Россіи*.

— „Русскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ, что въ Петербургѣ ожидается наплывъ желающихъ поступить въ вышшія учебныя заведенія; осенью въ Петербургъ прійдетъ болѣе двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ; всѣхъ желающихъ принять будетъ невозможно, за недостаткомъ мѣстъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— „Новостямъ“ сообщаютъ, что дѣло объ учрежденіи института ученыхъ акушеровъ находится въ настоящее время въ слѣдующемъ положеніи: состоящая при министерствѣ народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденная комисиія окончательно выработала проектъ положенія, а также и программы учебныхъ занятій проектируемаго института; послѣднія разосланы ею къ профессорамъ медицинскихъ факультетовъ нашихъ университетовъ, а также военно-медицинской академіи и къ частнымъ врачамъ-спеціалистамъ, известнымъ своей опытностью, приобритенной обширною практикою, съ просьбою сообщить свои замѣчанія на учебныя программы и свой взглядъ на постановку въ проектъ дѣла женскаго медицинскаго образованія. Замѣчанія и соображенія профессоровъ, медиковъ и врачей-практиковъ должны быть сообщены комисиіи ко времени возобновленія ея засѣданій предстоящую осенью.

— Варшавская газета „Prawda“ получила отъ г. Эдуарда Лойко, пожертвовавшаго 20,000 руб. на университетъ для женщинъ, слѣдующее письмо: „По поводу объявленія, напечатаннаго въ № 26-мъ газеты „Prawda“ о моемъ пожертвованіи на университетъ, считаю долгомъ объяснитьсѣ. Такъ какъ большая часть прессы высказалась за то, чтобы этотъ капиталъ остался неприкосновеннымъ, то я послушался ее и сдѣлалъ его закрѣпленіе официальнымъ порядкомъ. Результатомъ моего пожертвованія явилось то, что я возстановилъ противъ себя свою семью, противъ желанія которой я пожертвовалъ 20,000 рублей, а нѣсколькими письмами отъ консерваторовъ и публично осмѣявъ за то, что осмѣялиса подыять несимпатичный для нихъ вопросъ. Все это, однако, не имѣло ровно никакого вліянія на мое рѣшеніе и будущій университетъ для женщинъ въ Варшавѣ получилъ назначенный ему капиталъ“.

— „Новости“ передаютъ, что въ непродолжительномъ времени, при министерствѣ государственныхъ имуществъ, откроетъ свои засѣданія спеціальная комисиія для составленія окончательныхъ предположеній по устройству быта калмыкаго народа, обитающаго въ предѣлахъ астраханской губерніи.

— Въ Тибетъ отправляется четвертая ученая экспедиція въ Центральную Азію, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Пржевальскаго, изъ 2 офицеровъ, 1 вольноопредѣляющагося и 1 переводчика.

— „Турк. Вѣст.“ сообщаютъ, что на расходы этой ученой экспедиціи исчислено 16,080 р., которые испрашиваются нынѣ сверхъметнымъ ассигнованіемъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ отъ нашей путешественницы по Африкѣ, г-жи Гончаровой, она находится въ настоящее время въ Мароккскихъ владѣніяхъ, гдѣ ею собрана уже довольно большая коллекція растений, употребляемыхъ туземцами съ врачебною цѣлью, а также сдѣлано много фотографическихъ снимковъ.

— Редакція „Страны“ публикуетъ заявленіе:

„Редакція вынуждена заявить, что затруднительное положеніе, въ какое она была поставлена вслѣдствіе приостановки газеты въ половинѣ поступленія подписки, не оставляетъ ей для удовлетворенія подписчиковъ иного выбора, какъ предложить имъ собраніе главныхъ работъ самого издателя“.

— „Кавказъ“ передаетъ, что бывшій редакторъ „Юридическаго Обзорнія“, присяжный повѣренный А. В. Степановъ, получилъ разрѣшеніе на изданіе ежедневной политическо-литературной газеты подъ названіемъ „Кавказское Обзорніе“.

— 17 іюля происходило погребеніе В. О. Корша въ новодѣвичьемъ монастырѣ. На могилѣ, г. Градовскимъ произнесена была рѣчь, произшедшая сильное впечатлѣніе на присутствующихъ и было прочтено стихотвореніе, законченное словами:

Честъ вѣчная мертвымъ, тѣмъ славнымъ, могилы
Чьи много безгласно сердцамъ говорятъ
И новую бодрость вливаютъ намъ въ жилы,
И будятъ невримо въ насъ новыя силы,
Въ ночи намъ звѣздой путеводной горятъ!

БИБЛІОГРАФІЯ.

Извѣстный зоологъ, докторъ Дыбовскій, находящійся въ настоящее время въ Петропавловскѣ на Камчаткѣ, сообщаетъ въ польскую газету «Wszecchiatni» («Весь Миръ») интересныя свѣдѣнія, на основаніи статистическихъ данныхъ, объ охотѣ на млекопитающихъ животныхъ въ этомъ отдаленномъ краѣ. Такъ, въ періодъ времени съ половины 1878 года до конца зимы 1880 года—въ Камчаткѣ добыто: соболей — 2883, выдръ — 700, лисицъ—1000, горностаявъ — 1300, медвѣдей — 1300, росомахъ— 27, тиленей разныхъ видовъ (Foca graenlandica, barbata et cet.)—1900, моржей (Trichechus rosmarus)— 19, дикихъ рогатыхъ звѣрей — 900, дикихъ барановъ (Aegoceros nividola) — 300, песцовъ — 10, волковъ — до 20 шт., байбаковъ (Arctomys monata)—до 50 шт., сусликовъ—до 100, пищухъ (Lagomys sp?)—2. Море выкинуло на берегъ два кита (Balaenoptera longimana). Вотъ цѣлый рядъ млекопитающихъ звѣрей, неключая мышей и землероекъ, водившихся въ этомъ краѣ; нѣтъ здѣсь вообще дикихъ козъ и оленей, а ихъ мѣсто занимаютъ гениферы; нѣтъ даже выхухоли, которая вообще заходитъ далеко на сѣверъ твердаго материка Азіи; нѣтъ также бурундука (Tamias striatus), безъ котораго здѣшніе лѣса кажутся совершенно пустынными. Лѣтомъ неслышно въ нихъ такъ хорошо намъ знакомаго голоса кукушки. Однимъ словомъ, мертвая тишина царитъ въ тайгѣ. Дикіе бараны и гениферы живутъ въ горахъ, а въ низинахъ можно встрѣтиться только съ медвѣдемъ. Крестьяне и кавказки, а въ особенности кочующій племена (самуты), по мнѣнію д-ра Дыбовскаго, самымъ варварскимъ способомъ уничтожаютъ вообще дичь и особенно соболей.

НЕКРОЛОГЪ.

„Томск. губ. вѣдомостямъ“ изъ Нарыма пишутъ, что извѣстный составитель очерковъ нарымскаго края, Н. Григоровскій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Ново-Ильинскомъ скончался отъ продолжительной болѣзни, Н. Г. Григоровскій былъ скромный труженникъ; занесенный пономѣръ въ нарымскій край, онъ началъ изучать остяцкій языкъ и посвятилъ свою жизнь распространенію христіанства въ краѣ. Съ трудомъ покойному удалось завоевать себѣ это полювиншее поле общественной дѣятельности; уже въ то время, какъ духовная миссія оцѣнила труды подвизника и поручила ему переводы Священнаго Писанія на остяцкій языкъ, высшая свѣтская власть въ краѣ завидова нерепскую, на какомъ основаніи уѣздной полиціи допущены сношенія г. Григоровскаго съ мѣстнымъ населеніемъ. Вслѣдствіи г. Григоровскій былъ вызываемъ „Братствомъ св. Гурія“ въ Казань, гдѣ онъ занимался изданіемъ своихъ переводовъ на остяцкій языкъ. Прошлымъ лѣтомъ г. Григоровскій, по порученію западно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества, совершилъ поѣздку по забытому наукою и путешественниками высюганскому краю. Литературнымъ наслѣдіемъ послѣ покойника, кромѣ его переводовъ духовнаго содержанія на остяцкій языкъ, остались статьи о нарымскомъ краѣ: „Крестьяне-старожилы Нарымскаго края“ (въ Зак. зап. сиб. отд., кн. 1) и „Очерки Нарымскаго края“ (тамъ же, кн. IV). Кромѣ того, покойнымъ было начато нѣсколько мелкихъ замѣтокъ и сказокъ; щедро онъ также дѣлился своимъ знаніемъ края и его обывачей съ другими учеными и путешественниками, и снабжалъ ихъ своими рукописными замѣтками. Только-было ученое общество отличило его труды и почтало его порученіемъ, о которомъ онъ, можетъ быть, такъ долго безплодно мечталъ, и которое дало ему возможность заглянуть въ глубочайшія захолустья края, хранящаго драгоценныя слѣды бытовой страны, какъ смерть скосила бѣднику. Не скоро опять дождется нарымскій край новаго описателя и изслѣдователя мѣстной жизни, а между тѣмъ, племя, его населяющее, крайне интересно, съ движеніемъ науки впередъ, важность изученія Югры или угрскаго племени становится все яснѣе и яснѣе.